Жозеф Марметт

Шевалье де Морнак

Исторический роман о войне за Канаду

Жозеф Марметт
Шевалье Де Морнак

https://litres.ru/74728772
SelfPub; 2026

Аннотация

Новая Франция, XVII век. Бескрайние леса, непокорённые земли, опасные путешествия и жестокая борьба за власть над Северной Америкой.

Французский дворянин, шевалье де Морнак, оказывается в мире, где привычные законы цивилизации теряют силу, а человеческая жизнь нередко зависит от меткого выстрела, верности товарища и способности распознать предательство.

На фоне противостояния французских колонистов и индейских племён разворачивается история любви, ревности, мести и отчаянной борьбы за выживание.

Роман канадского писателя Жозефа Марметта, впервые опубликованный в 1873 году, переносит читателя в суровую эпоху освоения Нового Света, соединяя исторические события с захватывающими приключениями, опасными столкновениями и драматическими судьбами героев.

Оригинальное произведение является объектом общественного достояния.

Содержание

Введение	5
ГЛАВА I. ПРИБЫТИЕ	11
ГЛАВА II. РЕЧИ И ПИРУЭТЫ	30
ГЛАВА III. ГАСКОНАДЫ И ДИКОСТИ	46
ГЛАВА IV. ПОРТРЕТЫ И ХАРАКТЕРЫ	61
ГЛАВА V. ПУТЕШЕСТВИЕ	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Жозеф Марметт
Шевалье Де Морнак

ШЕВАЛЬЕ ДЕ МОРНАК Хроника Новой Франции. 1664 Жозеф Марметт Монреаль Типография «L'Opinion Publique» № 319, улица Сент-Антуан 1873

Посвящается Эльзеару Жерену Литератору, депутату Законодательного собрания.

Вам известна, дорогой друг, двойственная личность, скрывающаяся под именем шевалье де Морнака; и оба человека, послужившие прототипами моего героя, дороги вам, как и мне. Поэтому я не могу поступить лучше, чем посвятить вам эту книгу, которая, повествуя о великих деяниях минувшей эпохи, притязает изобразить в одном лице два самых восхитительно гасконских характера нашего времени. Если мне это хоть сколько-нибудь удалось, будет польщено не только законное самолюбие автора, но и моя дружеская привязанность будет счастлива оттого, что все мы трое ещё живее запечатлеемся в вашей доброй памяти.

ЖОЗЕФ МАРМЕТТ.

ШЕВАЛЬЕ ДЕ МОРНАК

Жозеф Марметт

Введение

Около 1664 года Новая Франция только что пережила и всё ещё переживала один из самых мучительных и критических периодов своей истории. Возгордившись и почувствовав себя всесильными благодаря успехам своих войск, которые двенадцатью годами ранее уничтожили великий гуронский народ, ирокезы безраздельно господствовали на территории Канады. В то время как воины пяти ирокезских племён держали в блокаде Монреаль, Труа-Ривьер и Квебек — города, представлявшие собой тогда всего лишь небольшие поселения, плохо защищённые частоколами, — их шайки грабителей убивали земледельцев, живших обособленно в сельской местности.

Французские колонисты не только не помышляли о нападении, но и защищались с большим трудом. Столь сильны были уныние и всеобщий ужас, что переселенцы поговаривали о том, чтобы покинуть эту проклятую страну и вернуться во Францию.

Положение и в самом деле казалось безнадёжным.

Предоставленная самой себе Компанией ста пайщиков, которая помышляла лишь о торговле пушниной, ослабленная разногласиями между губернаторами и церковной властью в Верховном совете Квебека, молодая колония к тому же заселялась настолько медленно, что не могла выставить

достаточно защитников для противостояния ирокезам. Чтобы противостоять им, потребовался бы довольно значительный воинский отряд, а в Канаде едва ли насчитывалась сотня солдат, разбросанных по различным постам. Губернаторы и иезуиты уже давно громогласно взывали о помощи. Но их мольбы безрезультатно затихали по ту сторону океана.

На первый взгляд такое безразличие метрополии должно казаться непростительным; но стоит перенестись на другой берег Атлантики и бросить взгляд на бурные события, потрясавшие тогда Французское королевство, как эта апатия становится понятной. Смерть кардинала Ришельё, последовавшая в 1642 году и вскоре сопровождавшаяся смертью Людовика XIII, гражданские беспорядки, которыми ознаменовалось регентство Анны Австрийской, смуты Фронды, битва, бушевавшая у ворот Парижа, смятение, охватившее всё королевство, — весь этот грохот оружия и раздоров, наполнявший Францию, без труда заглушал слабые голоса немногих, кто выступал в защиту Канады. Если частные лица, окружённые гражданской войной, не думали о Новой Франции, то как мог Мазарини, против которого прежде всего и были направлены действия мятежников, заниматься молодой колонией, затерянной за морями? Этому министру и без того стоило слишком больших усилий удержаться между буйством парламента и притязаниями великого Конде вплоть до 1653 года. Затем он оказался всецело поглощён заботами о продолжении войны против испанцев, которыми командо-

вал недовольный Конде. В битве при Дюнах, данной Тюренном испанцам близ Дюнкерка, окончательная победа осталась за французскими и английскими войсками, объединившимися против Испании, у которой тотчас отняли Дюнкерк и передали его англичанам согласно предварительным соглашениям между Кромвелем и Мазарини. Когда война таким образом благополучно завершилась, кардинал, как достойный ученик Ришельё, счёл лучшим средством обеспечить прочность мира женитьбу Людовика XIV на испанской инфанте Марии-Терезии. Переговоры, которые ему пришлось ради этого начать и успешно довести до конца, на несколько месяцев предшествовали союзу французского короля с инфантой. Этот дипломатический брак был заключён в 1660 году. Когда в следующем году Мазарини умер, Людовик XIV тотчас твёрдой рукой взял скипетр, исполненный решимости править самостоятельно, поддерживать внутреннее спокойствие и умножать благосостояние королевства, одновременно заставляя уважать его за пределами страны и расширяя его владения. Мазарини, который слишком заботился о наполнении собственной казны — к моменту смерти он обладал почти двумястами миллионами, — оставил финансы в плачевном состоянии; но благодаря мудрому и энергичному управлению Кольбера государственная казна наполнилась так быстро, что уже в 1663 году Людовик XIV смог выкупить Дюнкерк у англичан и поспешил укрепить его. Тот же Кольбер, столь сведущий во внутреннем управлении, знал

также обо всех выгодах, которых можно было ожидать от колоний. Разительным примером служила Испания, которая уже более столетия вела войну против всей Европы благодаря огромным богатствам, извлекаемым из Америки неблагодарной приёмной родиной Колумба. Поэтому Новая Франция сразу привлекла внимание Кольбера, который, видя, как она хиреет в руках Компании ста пайщиков, поспешил поставить колонию под более непосредственный контроль королевской власти. Королевским эдиктом 1664 года Канада была передана Вест-Индской компании. В то же время Людовик XIV назначил маркиза де Траси вице-королём всех французских владений в Америке, господина де Курселя

— губернатором Канады, а господина Талона — интендантом. Выбор был в высшей степени удачным. Требовалось не что иное, как объединение этих трёх талантливых и энергичных людей, чтобы остановить колонию на краю гибели и поднять её искусным и могучим усилием.

Для содействия замыслам этих просвещённых людей в их распоряжение был предоставлен полк Кариньян, состоявший из двадцати четырёх рот. На небольшую флотилию, принявшую войска, погрузили также множество семей земледельцев и ремесленников, везших с собой волов, овец и первых лошадей, которых довелось увидеть в Канаде.1 Солдаты, торговцы и колонисты, вместе взятые, составляли более двух тысяч душ, то есть население почти столь же многочисленное, как уже проживавшее в Новой Франции.

Однако вся эта помощь прибыла в Квебек лишь в 1665 году. Колония была спасена.

Однако я не ставлю своей целью подробно останавливаться на периоде подъёма, которому предстояло сменить столь продолжительный упадок. Хотя мне надлежит обозначить это счастливое возрождение в развязке действия моего произведения, на следующих страницах я прежде всего хотел описать опасности, тревоги, ужасы и драмы, которыми был отмечен каждый день отважных первопроходцев, наших замечательных предков. Я хочу изобразить эту жизнь среди тревог, засад

1 Однако колонисты Новой Франции в знак признательности господину де Монманьи подарили этому губернатору лошадь задолго до того времени. и жестокой борьбы, которой была полна героическая эпоха, предшествовавшая прибытию полка Кариньян; страхи горожан, непрестанные опасности, угрожавшие колонисту, жившему в одиночестве среди сельской местности и нередко находившемуся вне досягаемости всякой помощи; затем, рядом с этим существованием, усеянным ужасами, но всё же делавшимся сносным благодаря некоторым благам цивилизации, нравы, или, вернее, варварские обычаи ирокезских племён; изнурительные принудительные переходы их военнопленных; бедствия и рассеяние гуронского народа; пытки пленников, их страдания в ирокезских селениях; долгие бессонные ночи под закопчёнными вигвамами, изощрённую жестокость победителей по

отношению к своим пленникам, индейцам или белым; замечательное мужество последних посреди страданий и неслыханных мучений; наконец, стоическое шествие цивилизации навстречу отчаянно сопротивляющемуся варварству; а чтобы смягчить мрачные краски подобной картины, — беззаботную галльскую весёлость в сопровождении чистой любви, нежнейшего цветка французского рыцарства, чьё благоухание столь же проникновенно и благотворно, как образ Беатриче, который Данте уносит в своей душе, чтобы легче вынести зрелище ужасов ада.

ГЛАВА I. ПРИБЫТИЕ

Солнце, сияя во всём блеске, поднималось над поросшим лесом гребнем утёсов Пуэнт-Леви. Его огненные лучи пронзали влажную пелену испарений, спадавшую с плеч исполинской скалы Стадаконы и касавшуюся своими ватными бахромками вод великой реки, ещё дремавшей у подножия города Шамплена. Колеблемый утренним ветерком туман начинал рассеиваться в воздухе, где его клочья исчезали вместе с последними тенями ночи. Это было утро 18 сентября от Рождества Христова 1664 года, обещавшее маленькому городу Квебеку столь лучезарный день. Там, вдали, между оконечностью Пуэнт-Леви и извилистым берегом прекрасного Орлеанского острова, чья листва уже покраснела от осени, три белых паруса судна словно парили в воздухе. Последние клочья тумана, ещё игриво катившиеся по гребням мелких волн, которые лёгкий северо-восточный ветер начинал поднимать на реке, окутывали корпус судна, и лишь его паруса, постепенно приближавшиеся к городу, были видны, подобно парусам корабля-призрака. Вскоре победоносные солнечные лучи смели перед собой остатки тумана, исчезнувшие в одно мгновение, словно отставшие солдаты арьергарда разбитой армии под последним залпом картечи победителей. Тогда трёхмачтовое судно показалось целиком, его паруса кокетливо склонились к левому борту, а перед самым форштев-

нем весело плясали буруны белой пены, ибо ветер со стороны открытой реки крепчал. Между тем в эту минуту мэтр Жак Буадон, единственный содержатель гостиницы в Квебеке, отворял ставни своей гостиницы, стоявшей на улице Нотр-Дам, близ большой площади в Верхнем городе.2 Красная шерстяная шапочка трактирщика была лихо сдвинута на его добродушную толстую багровую физиономию, завязки его верхних штанов спускались до колен, описывая четверть окружности над почтенной округлостью живота, а утренний ветер играл в расстёгнутом вороте его рубахи из простого бретонского полотна и обдавал свежим дыханием жирные складки коренастой шеи хозяина. Те, кто читал «Франсуа де Бьенвиля», без сомнения, помнят, что прославленный Жан Буадон был сыном первого квебекского трактирщика, Жака Буадона, которого мы сегодня выводим на сцену. 3

Хотя Жак, первый носитель этого имени в Канаде, и был честолюбив, в нём не было той жажды наживы, что столь пагубно сказалась на его негодном сыне. Толстяк

2 Улица Нотр-Дам впоследствии получила имя господина де Бюада, графа де Фронтенака, когда этот дворянин стал губернатором Канады.

3 Среди сохранившихся официальных актов Совета, учреждённого в Квебеке господином д'Айбу и в соответствии с королевским постановлением от 5 марта 1648 года, имеется акт от 19 сентября того же года, которым Жак Буадон назначается трактирщиком с исключительным правом

заниматься этим делом. «Он поселится, — говорится там, — на большой площади, близ церкви, чтобы все могли приходить к нему погреться… Он не должен оставлять у себя никого во время торжественной мессы, проповеди, катехизиса и вечерни». Этот акт подписан господином д'Айбу, губернатором, отцом Ж. Лалеманом и господами де Шавиньи, Годфруа и Жиффаром. папаша Буадон был славным человеком, любившим посмеяться в подходящий час и опрокинуть стаканчик в любой. В последнем отношении мэтр Жан, его сын, должен был на него походить. Буадон-отец немного любил деньги, но не из низменного почтения к металлу, а скорее ради телесных удовольствий, которые тот доставляет. Если он несколько заискивал перед посетителями, то потому, что, наливая им щедро и часто, думал о том, насколько разнообразнее от этого становится меню его трёх обильных ежедневных трапез и как заметно хорошее угощение смягчает к тому же несколько суровый нрав Перпетю, его достойной супруги. Когда он заканчивал открывать последнюю ставню, до него донёсся радостный звон кастрюль, которыми орудовала внутри его доблестная половина. Одна мысль о великолепной яичнице с байоннской ветчиной, которая скоро ожидала его, вся дымящаяся и золотистая, на столе за завтраком, заставила его улыбнуться; и, чувствуя, что ноги затекли ото сна, он засунул обе руки в глубокие карманы своих верхних штанов и сделал несколько шагов по улице, чтобы размяться и нагулять аппетит. Так он и шёл, минуя большую церковь и

блаженно покачиваясь, к дому монсеньора де Лаваля,4 когда из его груди вырвался возглас радостного удивления.

4 В 1664 году монсеньор де Лаваль проживал в доме, построенном там, где ныне находится дом церковного управления кафедрального собора, рядом с приходским домом Верхнего города. Однако на плане Квебека, составленном в 1660 году под названием «Vray plan du haut et bas de Québec. Comme il est en l'an 1660», мы видим, повторяю, что первоначально монсеньор де Лаваль занимал дом госпожи де ла Пельтри близ монастыря урсулинок. Его взгляд только что упал на рейд, который тогда прекрасно просматривался из Верхнего города, поскольку нагромождение домов, ныне возвышающихся напротив нового почтамта, в те далёкие времена не заслоняло вида, а на месте, где примерно двадцать пять лет спустя предстояло появиться первому епископскому дворцу, стоял только один дом, принадлежавший генеральному прокурору господину Рюэтту д'Отёю.5 Полюбовавшись мгновение, он резко повернулся и пустился бежать или, вернее сказать, катиться к своему жилищу. Он прибегает домой совершенно запыхавшимся и кричит, отворяя дверь гостиницы:

— Перпетю! Перпетю!

— Ну, что случилось? — спросила госпожа Буадон, разбивавшая в эту минуту свежее яйцо, желток которого, растекаясь по сковороде между розовыми ломтиками ветчины, посыпанными веточками петрушки, походил на маленькое

озеро, чьи золотые волны омывали волны кораллового и изумрудного цвета. Буадон почувствовал, как у него потекли слюнки.

— Вкусно! — сказал он, подмигивая. — Только вместо одной яичницы нужно приготовить не меньше десяти. Госпожа Буадон повернулась всем телом, уперевшись правым бедром и вооружив кулак огромной ложкой, и резко возразила:

— Как! Ты с ума сошёл, старый обжора? Десять яичниц тебе на завтрак!

5 На этом участке теперь построены здания нашего провинциального парламента. — Нет, нет, Бетти, — произнёс Буадон, проводя своей огромной рукой под костлявым острым подбородком длинной и сухощавой жены. — Дело в том, видишь ли… (он задыхался) я только что увидел судно из-за моря… оно на всех парусах входит в гавань… Через четверть часа оно бросит якорь… Я бегу в Нижний город… и на лодке папаши Жерома Тибо… отправлюсь на борт посмотреть, нет ли там людей… которые остановятся у нас, — в чём я нисколько не сомневаюсь. Ну! Живо мой камзол, Пэтю, мой камзол!

— Ну хорошо! Дай же мне время его принести. Он наверху, в ногах кровати. На своих двух длинных ногах Перпетю в мгновение ока взбежала по лестнице и столь же быстро спустилась.

— Ну! Отлично! — сказал трактирщик и не без труда на-

дел свою одежду. — Приготовь с десяток хороших яичниц. Сейчас только шесть часов. Надеюсь, до восьми я вернусь с путешественниками. И ещё налей большой кувшин испанского вина из маленького синего бочонка, знаешь, того, что стоит в глубине. Оно самое лучшее. И Буадон вышел, семеня ногами.

— Смотри-ка, он забыл свою шляпу и ушёл с красной шапочкой на голове. Эти мужчины! Все они немного сумасшедшие! Жак, Жак! — позвала она, высунувшись в приоткрытую дверь. Но муж её не слышал и бежал настолько быстро, насколько позволяли его короткие толстые ноги, к улице, спускавшейся к Складу.6

6 Так тогда назывался спуск Ламонтань. Господин аббат Лавердьер, учёный комментатор всем известного прекрасного издания сочинений Шамплена, утверждает, что спуск Ламонтань получил своё название от Тем временем судно с высокой кормой и сильно выпуклыми бортами бросило якорь перед городом. Матросы, сидя на реях, убирали последний парус. На палубе всё пришло в движение. Капитан отдавал распоряжения спустить на воду две шлюпки; матросы тянули канаты. Слышались скрип блоков, свист боцманской дудки и ругательства, долетавшие с мачт. Несколько пассажиров, стоявших на корме, с любопытством разглядывали семьдесят домов,7 разбросанных в Нижнем городе и на квебекских высотах, а также высокие дикие берега вокруг города, чьи покрытые лесом вершины тёмными зубцами рез-

ко вырисовывались на горизонте, розовевшем в лучах восходящего солнца. Среди переселенцев, покинувших таким образом прекрасную Францию, чтобы принести молодой колонии свою долю пота и крови, один особенно выделялся приятной внешностью и представительным видом. Было видно, что это дворянин. И всё же его костюм носил следы то ли тягот путешествия, то ли, пожалуй, — и я склоняюсь к последнему предположению, — слишком долгого трения

человека, носившего эту фамилию и жившего где-то вдоль спуска. Всем известно, что Склад находился там, где ныне возвышается церковь Нижнего города, и что это было первое здание, построенное в Квебеке во времена Шамплена. С тех пор как были написаны эти строки, наш дорогой аббат Лавердьер умер, унеся с собой в могилу разгадки множества исторических вопросов, известных ему одному, и оставив всеобщее сожаление у тех, кто в Канаде занимается извлечением воспоминаний о нашей истории из праха прошлого.

7 Таково было тогда число жилых домов в Квебеке. См. «Историю Канады» господина Ферлана, том II, страницу 87 (примечание). крыла времени. Хотя серая фетровая шляпа была лихо сдвинута на левое ухо, она, очевидно, успела немало повидать и перенести немало бурь с тех пор, как вышла из рук некоего шляпника из Кодбека. Её широкие поля слегка обвисли, а первоначальный серый цвет заметно отдавал бледной желтизной.

Короткий камзол, нечто вроде очень короткого жилета из красного сукна, отделанного несколько потускневшими золотыми галунами, облегал его плечи, поверх которых ниспадал широкий дорожный плащ из сукна мускусного цвета, приподнятый сзади ножнами шпаги, висевшей у левого бедра на перевязи, ещё довольно богато расшитой серебром.

Между полами этого плаща виднелись сначала верхние штаны алого цвета, должно быть, ещё несколько месяцев назад яркого, но теперь склонявшегося к фиолетовому оттенку, затем пышные складки рубахи, которые малая длина камзола позволяла свободно видеть над верхними штанами, ибо того требовала тогдашняя мода.

Наконец, ноги его, маленькие, как у всякого человека хорошего происхождения, были обуты в тяжёлые дорожные сапоги с серебряными шпорами, отогнутые и обмякшие раструбы которых расширялись выше колен.

Несмотря на довольно потрёпанный костюм, наш дворянин имел приятный и гордый вид.

Он был высок ростом, темноволос, а его продолговатое, но тонкое лицо выдавало двадцать восемь лет. Под сильно орлиным носом верхняя губа скрывалась под чёрными усами, концы которых, заботливо завитые, кокетливо извивались у уголков твёрдого насмешливого рта, тогда как бородка-эспаньолка спиралью закручивалась на выступающем подбородке, форма которого обещала весёлый аппетит.

При дворе молодого короля мода носить бороду начинала

проходить, но военные люди всё ещё сохраняли те прекрасные усы времён Ришельё, которые придавали такой удалой вид и так нравились женщинам.

— Кап-де-дью! — вдруг воскликнул он (ибо сьер Робер дю Портай, шевалье де Морнак, был истинным сыном Гаскони), — какой прекрасный мыс!

И его чёрный умный глаз поднялся к мысу Диамант и заскользил по нему.

— Но сан-дью! Какой жалкий городишко эта столица, куда мы прибыли ухаживать за госпожой Фортуной!

Он говорил это с тем дьявольским гасконским выговором, которому нет подобного и который мы отнюдь не станем пытаться воспроизвести в нашем повествовании.

Затем, опустив взгляд к воде.

— О! Однако, капитан, скажите-ка, что это за толстяк в красной шапочке, который один занимает всю корму приближающейся шлюпки?

— Должно быть, это наш весёлый трактирщик, приятель Жак Буадон, — ответил капитан, перегибаясь через фальшборт, чтобы получше рассмотреть людей в указанной лодке.

— Тот, кто держит единственную гостиницу в Квебеке?

— Именно, и, как я вам уже говорил, вам придётся остановиться у него.

Лодка папаши Жерома Тибо подходила вдоль судна, и над выпуклым животом, который при каждом покачивании лодки тяжело колыхался у трактирщика на коленях, появилось

его сияющее улыбкой лицо.

— Мор-дью! Славная рожа, — хихикнул гасконец. — Будь в оправе моего перстня столько рубинов, сколько их у этого молодца на носу, я мог бы заново отстроить замок Морнак, бедный родовой особняк, в развалинах которого мирно вьют гнёзда ласточки. О! Кадедис! Какая отменная бутыль для вина из этого широкого брюха! В эту минуту оклики, доносившиеся со всех концов судна, показали гасконцу, насколько трактирщик популярен среди матросов.

— Эй! Здравствуй, папаша Буадон. Как поживаешь, старый кашалот? А госпожа Пэтю всё так же цветёт? По- прежнему пьёшь не разбавляя, толстая губка? Затем сверху, с конца грот-рея, раздался тонкий голос:

— Папаша Буадон, любовь моя! Осталась ли у нас та добрая старая гильдива из маленького красного бочонка? Эй! Говорю вам, старый сухопутный волк? Буадон, ошеломлённый таким множеством вопросов, поднял кверху своё налитое кровью лицо и закричал жирным голосом:

— Хорошо, дети мои, спасибо! Да, да, у нас ещё есть отменные напитки, будьте уверены!

— Трижды ура Буадону! — сказал капитан, который после предыдущего плавания остался должен трактирщику два экю. И из сорока матросских глоток вырвались три оглушительных крика, приведшие трактирщика в такое волнение, что лицо его побагровело, словно вот-вот его хватит удар. — Милые добрые дети! — бормотал он, пока украдкой скатив-

шаяся из глаз слеза тотчас высыхала на его пылающей щеке.
— Не промочить ли нам как следует горло недельки две! Сапреминет! В минуты величайшей радости мирный трактирщик позволял себе это безобидное ругательство. Между тем к самой поверхности воды уже спустили подвесной трап, и пассажиры готовились сойти в шлюпки, когда Буадон закричал снизу:

— Если кто-нибудь из господ желает остановиться в гостинице «Золотая бочка», прошу садиться ко мне. Морнак одним из первых принял это приглашение. Матрос перенёс в лодку папаши Тибо небольшой чемодан, заключавший в себе весь багаж и всё состояние гасконца. Увидев тощий дорожный саквояж своего постояльца, трактирщик поморщился. Однако, когда шевалье ступил в лодку, Буадон почтительно поклонился ему и сказал, что польщён честью принять у себя дворянина. «Кто знает, в конце концов, — сказал себе трактирщик,

— может быть, этот чемодан набит деньгами и наш постоялец щедро заплатит». Несколько человек расположились рядом с шевалье, остальные — в двух шлюпках корабля, и эти лодки, усиленно работая вёслами, направились к месту в Нижнем городе, где всё ещё стоял склад, построенный Шампленом. На берегу прибытия ждали несколько человек. Ведь они собирались встретить соотечественников, друзей, а может быть, и родных. И разве нельзя было получить от них свежие вести из Франции, из доброй страны предков,

о которой хранились столь нежные воспоминания, где отцы спали последним сном и которую дети, вероятно, уже никогда не увидят? Возгласы приветствия, радости и узнавания встретили вновь прибывших. Морнак никого не знал и уже спешил сойти на берег со своим чемоданом, когда трактирщик окликнул какого-то двенадцатилетнего мальчишку, который с растрёпанной шевелюрой, задранным носом и руками в карманах разглядывал каждого с бесстыдно любопытным видом.

— Жан! — крикнул трактирщик, — иди сюда, малыш, и отнеси домой господский саквояж. Это был старший сын Жака Буадона, мессир Жан, о вполне заслуженных злоключениях которого мы рассказали во «Франсуа де Бьенвиле». Жан подошёл и сделал вид, будто собирается завладеть чемоданом гасконца. Тот воскликнул:

— Ребёнок надорвётся!

— О! Да нет, сударь, — возразил отвратительный сорванец, — ваш багаж, скажу я вам, почти ничего не весит! И одним движением он поднял чемодан и взвалил себе на левое плечо.

— Мор-дью! Негодяй! — закричал гасконец, — ты что, вздумал надо мной насмехаться? Да ведь я тебе язык отрежу, знаешь ли!

— Ничего ему не режьте, господин маркиз! — воскликнул Буадон. — Хоть по виду и не скажешь, но мой Жанно силён и любит показывать свою силу.

— Ну, тогда ладно, сан-дис! — ответил Морнак. — Прошу следовать за мной, господа, — сказал Буадон постояльцам, и те вместе с ним направились в Верхний город, вступив на улицу Су-ле-Фор. Буадон-младший шёл за ними и бормотал себе под нос, подбрасывая на плечах лёгкий саквояж гасконца:

— Всё равно, весит он немного и гремит пустотой. Но придётся сказать обратное, чтобы господин дал мне монетку. Видно, проклятый мальчишка уже успел развить в себе настоящую страсть к наживе. Морнак проворно взбирался по крутому подъёму от форта в Верхний город. Уперев правый кулак в бедро, положив левую руку на эфес шпаги, с большим красным пером на широкополой фетровой шляпе, трепетавшим на утреннем ветру, он шёл с высоко поднятой головой и презрительной улыбкой на губах, разглядывая немногочисленные тёмные дома более чем скромного вида, которые кое-где встречались ему по пути. И всё же сердце его болезненно сжалось, когда он проходил мимо кладбища, занимавшего тогда тот язык земли, который спускается от здания парламента к склону и где ещё можно видеть почерневшие от дождей и времени колья ограды. Несколько маленьких деревянных крестов, стоявших на невысоких холмиках, напоминали прохожим, что каждому рано или поздно суждено лечь в подобную постель из земли и дёрна до великого пробуждения в вечный день.

— Неужели именно здесь мне придётся оставить свои ко-

сти? — спросил себя шевалье. — Ба! Да какая, в сущности, разница. И сан-дис! Не так уж плохо было бы умереть своей смертью, ведь говорят, что в этой стране реже умирают в собственной постели, чем от железа и огня дикарей. Чтобы прогнать эти мрачные мысли, он повернул голову налево и посмотрел на высокие стены замка Сен- Луи, гордо возвышающиеся на вершине утёса. Когда он достиг вершины подъёма, взгляд его остановился на обширной тогда площади, где ныне стоят почтамт и ряд домов напротив него. Около тридцати крытых корой хижин конической формы предстали изумлённым глазам чужеземца. Это был «Форт гуронов». Эти вигвамы служили убежищем немногим несчастным потомкам великого гуронского народа, ещё совсем недавно безраздельно властвовавшего над бескрайними лесами Канады. Истреблённые, почти уничтоженные ирокезами, которые с 1648 по 1650 год несли резню и разрушение в селения Сен-Жозеф, Сен-Игнас, Сен-Луи и Сен-Жан, несчастные гуроны простились с берегами прекрасного озера, которому одному суждено было сохранить их имя, и пришли искать убежища в окрестностях Квебека. Они едва успели несколько лет пожить спокойно на Орлеанском острове, как ирокезский томагавк настиг их в месте, где несчастные на мгновение сочли себя укрытыми от непримиримой ненависти своих смертельных врагов. Многие были убиты, большая часть уведена в плен. Лишь те немногие, кому удалось бежать, поспешили умолять французов о милосердии и укрыться под

непосредственной защитой пушек и мушкетов Ононтио, 8 то есть под самыми стенами замка дю Фор. Лишь около 1676 года жалкие остатки некогда столь могущественного и гордого народа перенесли свои вигвамы из Форта гуронов и поселились в Сент-Фуа, в трёх или четырёх милях к западу от Квебека. Примерно шесть лет спустя, когда дичь в окрестных лесах иссякла, они перебрались в трёх лье от Квебека, в Вьей-Лоретт, где теперь последний настоящий гурон покоится под землёй забвения. Морнак с удивлением разглядывал становище дикарей. Лёгкие клубы белого дыма поднимались спиралями из верхушек вигвамов, чьи берестяные стенки были украшены причудливыми рисунками, изображавшими отличительные знаки хозяина жилища. Большинство здешних зверей, от медведя и волка до выдры и ондатры, мирно проходили там перед удивлёнными глазами француза. У входов в хижины полуобнажённые мужчины начищали оружие, изготовляли стрелы или разглаживали шкуры недавно убитых животных. Чуть дальше молодые люди упражнялись в прыжках или стрельбе из лука. Здесь старухи хлопотали над приготовлением скудного утреннего обеда, а более молодые женщины баюкали на обнажённых руках младенцев, напевая печальную и нежную песню.

8 Так дикари называли французских губернаторов. Это имя, означавшее «большая гора» и бывшее индейским переводом фамилии Монманьи, впоследствии распространилось на всех губернаторов, ставших его преемниками. Несколь-

ко молодых девушек, привлечённых проходившими приезжими, стояли возле частокола, окружавшего форт гуронов. Их пылкие чёрные глаза сверкали между кольями ограды, устремляясь на шевалье де Морнака, чья приятная наружность и гордые усы заставляли сердца не одной из них биться сильнее. Галантный дворянин уже мечтал покорить эти чёрные глаза, чей огненный взгляд пронзает насквозь, когда Буадон отворил перед постояльцами дверь гостиницы. Поскольку читателя едва ли занимают подробности завтрака в гостинице Буадона, попросим его последовать за нами на второй этаж трактира «Золотая бочка», куда Буадон проводил шевалье, в комнату, окно которой выходило на большую церковную площадь. Было около десяти часов. Подкрепившись сытным завтраком, на котором, конечно, не было недостатка в добром вине, Морнак опирался локтями на подоконник открытого окна и смотрел наружу. Его глаза, поблуждав по зданию иезуитского коллежа, длинная лицевая стена которого с двумя рядами окон спускалась к улице де ла Фабрик, обратились к устью реки Сен-Шарль, поскольку пространство, на котором ныне стоят семинария и Университет Лаваля, равно как и все дома между крепостными стенами, улицами де ла Фабрик и Сен-Жан и больницей Отель-Дьё, тогда ещё не было застроено. Вся эта обширная земля вплоть до берега всё ещё принадлежала наследникам сьера Гийома Куйяра, супруга Гийеметты Эбер, дочери первого колониста Квебека. Господин Куйяр умер в предыдущем году, 4 марта

1663 года, а его вдова жила в единственном доме, стоявшем на участке.9 Лишь несколько лет спустя монсеньору де Лавалю предстояло купить эту землю для основания семинарии. Уже некоторое время Морнак переводил взгляд с реки Сен-Шарль на большую реку, а с неё на большие северные горы, окрашивавшиеся под солнцем того осеннего утра в синевато-красный цвет, когда шум голосов и необычное движение привлекли внимание чужеземца к большой площади. Около тридцати человек, детей и юношей, следовали за группой из десяти причудливо одетых мужчин, на которых сосредоточилось любопытство шевалье. Головы их были обнажены, а волосы, выбритые над лбом, подняты к темени и собраны в пучок, из середины которого торчало орлиное перо. Их лица с выступающими скулами и медным цветом кожи, выдававшими в них детей коренного населения Северной Америки, были причудливо разрисованы яркими красками. У одного нос был выкрашен синим, у другого красным, у третьего жёлтым; у четвёртого всё лицо было чёрным, как сажа, за исключением подбородка, ушей и лба, так что можно было подумать, будто на нём маска. У других разноцветные линии зигзагами шли по лбу, носу и щекам. Шеи, груди и руки у них были обнажены и тоже разрисованы яркими красками, обозначавшими знаки их племени и подвиги. Ожерелья из фарфоровых бусин и когтей медведя, волка и орла опоясывали их шеи и спускались на голую

9 Пару лет назад господин аббат Лавердьер обнаружил

возле двери, ведущей из Большой семинарии в сад, остатки фундаментной стены этого дома. грудь. Оленья шкура с бахромой по нижнему краю охватывала их талию, где помещались томагавк и нож для снятия скальпов, и свисала до колен. Голени и ступни были покрыты также сделанными из оленьей кожи чулками, шов которых скрывался под длинной изрезанной бахромой, колыхавшейся при каждом шаге. Закреплённое на груди ремешком одеяние из меха бобра, норки, выдры или куницы ниспадало с их плеч до подколенных сгибов. Сверху донизу по этому весьма дорогому плащу были нанесены длинные полосы одинаковой ширины, около двух дюймов, на равном расстоянии друг от друга; они напоминали галуны. Внизу одеяния хвосты норок, куниц или выдр свисали шелковистой бахромой, а головы этих животных были прикреплены сверху, образуя своего рода отворот. Эти люди, во главе с вождём, шли с достоинством, не удостаивая взглядом толпу любопытных, следовавшую за ними.

— Кап-де-дью, — сказал себе Морнак, широко раскрыв глаза от удивления, — вот так занятные особы! И, высунувшись из окна, он окликнул Буадона, который напыщенно разговаривал среди нескольких новых постояльцев, привлечённых странным зрелищем к дверям гостиницы.

— Папаша Буадон!

— Господин граф? — ответил достойный человек, подняв к окну своё раскрасневшееся от хорошей еды и вина лицо.

— Что же это за чудаки?

— Это посольство ирокезов, которое господин губернатор должен принять сегодня утром. — О! О! Сан-дью! Так вот они, эти буки, которыми пугают больших детей Новой Франции! Затем вполголоса:

— Но кстати о губернаторе, не пора ли попросить у него аудиенции, чтобы прежде всего передать ему депеши двора, а затем попросить проявить ко мне участие?

— Господин Буадон! — снова крикнул он.

— Чем могу служить, господин граф?

— Можете ли вы распорядиться, чтобы меня проводили к замку Сен-Луи?

— Конечно. Жан, эй! Ты проводишь господина графа к замку. Мальчишка, надеявшийся войти вслед за дворянином и таким образом присутствовать на приёме ирокезов, согласился с восторгом. Морнак достал из чемодана депеши, положил их в карман камзола, снова взял шпагу, которую снял, чтобы сесть за стол, спустился на улицу и последовал за Буадоном-младшим. Тот, гордый тем, что сопровождает дворянина и идёт в замок, бросал торжествующие взгляды на знакомых ему сверстников, слонявшихся по улице и с завистью взиравших на счастливого друга Жана Буадона.

ГЛАВА II. РЕЧИ И ПИРУЭТЫ

Резиденция французских губернаторов, называвшаяся замком дю Фор или Сен-Луи, возвышалась на том самом фундаменте, который и поныне поддерживает террасу Дарем. Заложенный Шампленом, замок постепенно расширялся, благоустраивался и укреплялся господином де Монманьи и его преемниками. Возвышаясь над Нижним городом и располагаясь у края утёса, в ста восьмидесяти футах над рекой, донжон представлял собой большое двухэтажное здание длиной в сто двадцать футов с двумя павильонами, образовывавшими выступы переднего и заднего фасадов. Вдоль фасада здания тянулась длинная терраса, нависавшая над мысом и сообщавшаяся непосредственно с нижним этажом. Большая крепостная стена с двумя бастионами, но безо всякого рва, защищала замок со стороны города. В ту пору генерал-губернатором был господин де Мези, старый военный, прежде служивший майором цитадели Кана. Его предшественник, господин д'Авогур, был отозван во Францию вследствие разногласий с монсеньором де Лавалем по поводу торговли водкой, и епископ Квебека попросил двор разрешить ему самому выбрать будущего губернатора; просьба эта была удовлетворена. Прелат указал на господина де Мези, одного из своих старых друзей. Но вскоре он раскаялся в своём выборе. Ибо едва новый губернатор прибыл

в Квебек, как между ним и епископом вспыхнула вражда. Избрание синдика жителей разожгло пламя раздора в Суверенном совете. Большинство членов Совета выступало против выборного начала и трижды отвергало избрание синдика. Чтобы добиться торжества своих идей, несомненно более либеральных в ту пору, чем взгляды большинства, руководимого епископом, губернатор отстранил от должности нескольких членов Совета и заставил генерального прокурора Бурдона, а также советника Вильрея отплыть в Европу. Хотя нельзя одобрить своевременность подобных мер, из всех этих столкновений и последовавших за ними бурных сцен между губернатором и епископом явствует, что если господин де Мези в своих действиях проявил излишнюю горячность, вспыльчивость и необдуманность, то монсеньор де Лаваль со своей стороны, быть может, не приложил достаточно усилий, чтобы искусными уступками примириться с гордым нравом бывшего друга. К тому же ссоры, которые тот же прелат впоследствии вёл с господином де Фронтенаком, доказывают, что господин епископ, как говорили тогда, был весьма непреклонен в своих убеждениях и что королевская кровь, текущая в его жилах, легко закипала, стоило кому-нибудь хоть немного задеть глубоко самовластные представления, унаследованные им от его августейшего кузена Людовика XIV. Морнак велел доложить о себе и был введён к губернатору, который, узнав, что дворянин доставил депеши из двора, распорядился немедленно его при-

нять. Сердечно приветствовав шевалье и приняв из его рук пакет, запечатанный королевским гербом, господин де Мези предложил гостю сесть. Рукой, дрожь которой он тщетно пытался скрыть, господин де Мези сломал печать послания Кольбера и принялся лихорадочно пробегать письмо глазами. Морнак смотрел на него. Внезапно он увидел, как губернатор побледнел, а его судорожно стиснутые пальцы смяли депешу. Кольбер от имени короля сурово упрекал господина де Мези за насильственные действия против епископа и Совета и извещал его, что маркизу де Траси, господам де Курселю и Талону поручено по прибытии в Квебек произвести над ним суд. По морщинистой щеке старого солдата скатилась слеза негодования. В его глазах вспыхнул огонь. Он едва не разразился гневом. Но почти тотчас овладел собой, вспомнив, что находится не один. Затем, подавив готовое вырваться рыдание, он продолжил чтение депеши. Ему сообщали о скорой отправке полка Кариньян в Канаду и одновременно предписывали не делать никаких уступок ирокезам, поскольку военная помощь, которую собирались направить в Новую Францию, вскоре даст колонистам возможность укротить гордыню Пяти племён. Наконец Кольбер рекомендовал господину де Мези шевалье де Морнака. Губернатор, успевший несколько оправиться, сказал дворянину:

— Будьте уверены, господин шевалье, что я сделаю всё, что в моих силах, чтобы быть вам полезным. К несчастью, пока я почти не вижу возможности немедленно оказать вам

услугу. Возвращайтесь через несколько дней, и мы постараемся найти вам занятие либо на королевской службе, либо в торговле пушниной за собственный счёт. Морнак поклонился и поблагодарил губернатора.

— Теперь же, — продолжил тот, — мне надлежит выслушать посольство ирокезов, от которого я не жду ничего особенно удовлетворительного. Не желаете ли вы присутствовать на этом собрании, господин де Морнак?

— Я был бы бесконечно признателен вам за такое позволение.

— В таком случае прошу следовать за мной. Губернатор в сопровождении Морнака направился в большой зал замка. Большинство знатных жителей Квебека уже собралось там, когда господа де Мези и Морнак вошли в зал. Прежде всего там находились настоятель иезуитов (епископ отказался явиться), советники со шпагами на боку, как дозволяла им их должность, затем генеральный прокурор Дени-Жозеф Рюэтт, сьер д'Отёй, господа Ле Вьё де Отвиль, генерал-лейтенант маршоссе, Луи Перонн де Мазе, капитан гарнизона квебекского форта, советник Обер де ла Шене, главный приказчик, Шарль Ле Гардёр де Тийи, Ж.-Б. Ле Гардёр де Репантиньи, Клод Петио де Корбьер, хирург, Блез де Траколла, врач, и многие другие, чьи имена ускользнули из моей памяти.10

10 Чтобы удостовериться в точности этих подробностей, достаточно перелистать «Генеалогический словарь» госпо-

дина Танге. Эта ценная работа оказала мне большую помощь. Читатель, вероятно, заметил, что среди этих лиц нет интенданта; дело в том, что господин Робер, государственный советник, первый назначенный интендантом юстиции, полиции, финансов и морского ведомства Новой Франции, так никогда и не приезжал в Канаду. Господин Талон, прибывший в Квебек в 1665 году, первым исполнял эту должность в Новой Франции. Поскольку о прибытии ирокезского посольства ещё не было объявлено, господин де Мези представил шевалье де Морнака лучшим представителям квебекского общества, собравшимся в замке. Молодого человека встретили с величайшей любезностью, а Рюэтт д'Отёй даже пригласил его провести у него вечер в обществе нескольких друзей, которых намеревался собрать. Морнак с радостью согласился, выказал признательность за все эти любезности и уже начал отвечать на многочисленные вопросы о положении во Франции к моменту его отъезда, как дверь распахнулась, пропуская ирокезских посланников. В большом зале воцарилась тишина; предводитель посольства подошёл к господину де Мези, рядом с которым выстроились лица, упомянутые нами выше. Этот предводитель был знаменитым капитаном агньеров, столь же грозным своим мужеством, сколь и ужасающей жестокостью. Французы, побывавшие пленниками в большом селении агньеров, прозвали этого свирепого воина Нероном. Некогда он принёс в жертву памяти одного из своих братьев, убитого на войне, восемьде-

сят человек, велев медленно сжечь их всех, а затем собственноручно убил ещё шестьдесят. Чтобы увековечить память об этой ужасной гекатомбе, он велел «вытатуировать знаки на своём бедре, которое по этой причине казалось сплошь покрытым чёрными письменами». 1111 Исторический факт. См. «Реляции иезуитов», том III, 1663 год, глава IX, страница 25. Имя, данное ему семьёй, было Медвежий Коготь. Но имя, которое нравилось ему больше всего и которое он сам себе присвоил, было Кровавая Рука. Хотя рост его и превосходил средний, особенно высоким он не был; зато плечи у него были широки, а по всей длине рук переплетались мощные мускулы. На толстой шее сидела большая голова с покатым лбом и скошенным назад подбородком. Маленькие карие глаза блестели почти вровень с глазницами, тогда как приплюснутый нос, казалось, сливался с выступающим четырёхугольным ртом, похожим на морду хищного зверя. Словом, это была настоящая медвежья голова, посаженная на человеческое тело, тяжёлое по сложению и свирепое по своим вожделениям, как и зверь, на которого он походил. Несмотря на татуировку, покрывавшую его лицо, и волосы, выбритые на большей части черепа, ирокез казался сорокалетним. Случай распорядился так, что предводитель агньеров принадлежал к племени Медведя. Поэтому Медвежий Коготь вполне оправдывал своё имя. А что касается имени Кровавая Рука, мы уже знаем, что он присвоил его себе самовольно. Губернатор уселся в кресло, а его свита располо-

жилась по бокам; ирокезские посланники сели на циновку у ног господина де Мези, чтобы выказать больше почтения к Ононтио. Вся середина помещения оставалась свободной, чтобы ирокезский оратор мог без помех совершать свои движения. Красноречие дикарей требовало большой подвижности и выражалось не только словами, но и чрезвычайно оживлёнными жестами и даже прыжками. Один из ирокезов, нёсший длинную трубку мира, туго набитую табаком, раскурил её и подал вождю. Тот взял её, с достоинством затянулся несколько раз и передал трубку губернатору, который должен был сделать то же самое. Когда трубка мира прошла через все французские рты, она вернулась к ирокезам, докурившим оставшийся в ней табак. В это время Морнак украдкой вытирал рот.

— Мор-дью! — ворчал он, — довольно-таки нечистоплотная церемония. Ирокезы принесли двадцать ожерелий из фарфоровых бусин,12 представлявших собой разные предложения, которые они намеревались сделать. Все они касались мира, заключение которого и составляло цель этого посольства. Каждое ожерелье имело особый смысл. Одно выравнивало дороги, другое успокаивало реки, третье зарывало боевые топоры, иные означали, что впредь люди станут посещать друг друга без страха и недоверия, будут устраивать друг для друга пиры, заключат союз между всеми народами и так далее. Медвежий Коготь довольно сносно объяснялся по- французски. Он выучил язык у многочисленных

пленников, которых агньеры уводили в своё селение.

12 До прибытия европейцев в эту страну индейцы изготовляли такие ожерелья из внутренней части раковин некоторых моллюсков; но поскольку изготовление этих вампумов требовало большого труда, они вскоре предпочли им ожерелья из стеклянных бус, когда белые вступили в контакт с коренными жителями Северной Америки. Когда трубка погасла, он поднялся, взял ожерелье и, протянув его губернатору, сказал:

«Ононтио, прислушайся к моему голосу; все ирокезы говорят моими устами. Ни одно дурное чувство не таится в моём сердце, и намерения мои прямы, как стрела воина. Мы знали немало военных песен (наши матери убаюкивали нас ими); но мы позабыли их все и знаем теперь лишь песни мира и радости».

Он остановился и принялся петь. Его товарищи, тоже поднявшись на ноги, отбивали такт своим «хей!», вырывавшимся из самой глубины груди, расхаживали большими шагами и странно жестикулировали.

Морнак раскрыл глаза величиной с испанские пиастры и с большим трудом сдерживал безумный смех, щекотавший ему горло.

Через несколько мгновений пение умолкло; ирокезы снова уселись, за исключением Медвежьего Когтя, который продолжил речь такими словами:

«Видя искренность своих детей, Ононтио, несомненно,

окажет им честь, согласившись трудиться ради мира в их хижинах. Не то чтобы мы были вынуждены его просить. О! Нет. Наши воины чаще приходили выкрикивать боевые кличи под стенами ваших поселений, чем мы видели белых солдат с вершин частоколов наших селений.

Тот, кто создал мир, дал мне землю, которую я занимаю; на ней я свободен; никто не вправе мне повелевать; но никто не должен считать дурным, если земля перестанет непрестанно сотрясаться от войн. Мы устали от истребления людей, которым следовало бы жить как братьям. Наши руки отказываются наносить новые удары, наши боевые топоры выскальзывают из ослабевших ладоней и бессильно падают на край тропы. Не наклоняясь, чтобы поднять их, мы пришли к нашему отцу Ононтио; и я, говорящий от имени всех, встаю, протягиваю ему это ожерелье и говорю: прими его, отец мой, и наши топоры покроются землёй, а дети, уже не зная, где их отыскать, оставят их навсегда ржаветь в бездействии». Он поочерёдно брал семнадцать других ожерелий и много двигался, объясняя значение каждого. То он нагибался, словно собирался убрать с середины тропы камень или ствол дерева, показывая, что благодаря миру дорога станет ровной; то притворялся, будто долго гребёт, желая этим сказать, что отныне реки будут спокойно течь от земель агнеров до Квебека и никакая засада не нарушит пути по ним. От одного только вида этих усилий Морнак обливался крупными каплями пота. Наконец Медвежий Коготь взял последнее

ожерелье и сказал более печальным тоном: «Когда я шёл на встречу с нашим отцом, мне чудилось, будто из земли доносились жалобные голоса. Сначала я подумал, что ошибся; я видел только траву, зелёную и густую, росшую по краям тропы, по которой свободно ступала моя нога. Но те же стенания всё ещё терзали мой слух, и я снова останавливаюсь. Я склоняюсь к земле и различаю эти голоса яснее. Они восклицали: „Сын мой, брат мой, дорогой кузен, разве ты не узнаёшь голоса своих родных, павших на военной тропе от пуль белых? О! Да, не так ли? Ведь ты идёшь отомстить за нас?“ Нет, дорогие родные, ответил я, сдерживая порывы своего горя. За вас уже отомстили более чем достаточно. Если бы Ононтио тоже склонил ухо к траве, зеленеющей вокруг его селений, крики его детей, принесённых нами в жертву, заставили бы кровоточить и его сердце, и войне не было бы конца. Поэтому я иду к нему и говорю: „Отец мой, если те, кто уже умер, так жалуются, что же будет, если наши битвы продолжатся ещё долгие годы? Рыдания покойников станут столь громкими, что потревожат даже наш сон, а их призывы к мести столь настойчивыми, что война окончится лишь истреблением одной или другой расы“. Вот я здесь и бросаю этот камень (он показывал последнее ожерелье) на могилу погибших во время войны, чтобы никто не вздумал тревожить их кости и чтобы больше никто не помышлял мстить за них».13 Эта гордая речь показывала, до какой степени дошло ирокезское высокомерие вследствие военных успехов Пяти племён. По-

этому, несмотря на мирные предложения посольства, господин де Мези, знавший, сколько раз французы оказывались обмануты подобными предложениями, поднялся, посоветовавшись с окружающими, и ответил: «Меня трогает поступок моих детей, и я охотно верю в его искренность; но почему вы утверждаете, будто говорите от имени пяти племён, тогда как я вижу здесь только посланников агньеров, гойогуэнов и

13 Несколько фраз этой речи заимствовано из свидетельств того времени. соннонтуанов? Если все пять великих ирокезских племён просят мира, почему только три прислали ко мне послов?» Медвежий Коготь не ответил, и губернатор продолжил: «Великий вождь агньеров был совершенно прав, сказав, что ирокезы, к несчастью, перебили слишком многих французов; и если вы хотите успокоить души своих родных, мы не можем умиротворить души наших братьев, которых вы ежедневно предательски убиваете. Стенания моих погибших детей пересекли океан. Великий Ононтио, мой повелитель, услышал их по ту сторону огромного солёного озера. Он только что написал мне, что вскоре пошлёт своим детям в Канаде отряд воинов, достаточно многочисленный, чтобы сравнять с землёй ваши поселения, перебить ваших воинов и привести в Квебек пленницами женщин Пяти племён, дабы они помогали нам возделывать поля». «Поэтому сейчас я не могу ничего заключить. Когда прибудут наши войска, если вы действительно желаете мира, возвращайтесь

вместе с посланниками всех Пяти племён, позаботившись также привести с собой заложников в обеспечение переговоров и подарки для умиротворения родственников тех, кто пал от ваших ударов. Тогда великий Ононтио примет решение».

— «Твоих детей, — возразил Медвежий Коготь, — было слишком мало, а их челнок слишком тесен, чтобы привезти тебе подарки. Но вот трое моих братьев из племён агньеров, гойогуэнов и соннонтуанов, которые согласны остаться у тебя заложниками». — «Добро пожаловать, — ответил губернатор, — я буду обращаться с ними как со своими сыновьями всё время, пока они останутся у меня». «А теперь пусть вождь и сопровождающие его воины пройдут со мной на террасу замка, чтобы здесь накрыли стол для трапезы, которую я предлагаю им от имени Ононтио!» Господин де Мези желал хорошо принять посланников. Затем, обращаясь к своей свите:

— Прошу вас, господа, присоединиться к нам. Слуга распахнул обе створки двери, ведущей на террасу, и господин де Мези посторонился, пропуская гостей. Последний из них, а всего было не менее тридцати человек, едва ступил на галерею, как под их ногами раздался долгий треск. Инстинктивно все бросаются к двери. Но это резкое движение окончательно ломает прогнившие балки террасы, которая, слишком старая и непрочная, чтобы выдержать столько людей, с грохотом обрушивается на склон утёса. Раздаётся громкий

вопль ужаса, и все — военные, советники и дикари — падают, катятся вперемешку с обломками террасы, обрушившейся на каменный склон с высоты двадцати футов. Только губернатор, собиравшийся последовать за гостями, остаётся в дверном проёме, поставив одну ногу над пустотой. Побледнев, он стремительно отшатывается и с изумлением смотрит на копошащуюся у его ног груду людей и обломков. К счастью, в ту пору склон утёса ещё покрывали деревья и кустарники, остановившие падение галереи; ведь если бы скала была обнажена, как ныне, они упали бы с высоты более ста восьмидесяти футов. Все упавшие цеплялись за ветви и корни, чтобы не соскользнуть по крутому каменному склону. Над общими криками разносились звучные проклятия Морнака. Свалившись сверху одним из первых, гасконец принял на себя весь удар и тяжесть тела Медвежьего Когтя, упавшего верхом ему на плечи.

— Мор-дью! — кричал он, извиваясь как бес, — да слезете ли вы наконец с моей спины! Эй! Эй, сан-дис! Господин дикарь, вы ведь не пёрышко, знаете ли! Кап-де- дью! Вы меня доконаете!.. Резкий рывок сбросил всадника, который, удивлённый внезапным обрушением галереи и заподозривший предательство, тотчас выхватил из ножен висевший у него на поясе нож для снятия скальпов и сделал вид, будто собирается броситься на шевалье.

— Полегче! Господин ирокез! — воскликнул Морнак, также обнажив шпагу, — разве того, что мы едва не сверну-

ли вместе шеи, недостаточно и нам теперь нужно ещё перерезать друг другу глотки? Мгновение размышления убедило Медвежьего Когтя, что падение галереи, увлёкшей за собой без разбора и дикарей, и белых, произошло вследствие простого несчастного случая, и он убрал нож в ножны. Морнак ворчал, удерживаясь за ветви чахлой пихты:

— Клянусь небом! Невезение преследует меня даже здесь! А я-то думал, что оно оставило меня в Бресте, где накануне отплытия я проиграл в карты последние тысячу пистолей или около того, остававшиеся от всего наследства моих досточтимых предков! Новый крик ужаса прервал его печальные размышления. Перегнувшись через край скалы, участники этой трагикомической сцены смотрели вниз. Морнак наклонился, как и остальные. Он увидел троих дикарей из посольства, которые с головокружительной быстротой скользили вниз по склону утёса. Несчастные, однако, сохранили полное хладнокровие, ибо спускались, не переворачиваясь, и оставались сидеть, цепляясь за каждую ветку, каждый корень, малейший выступ скалы, попадавшийся им под руки. Через три секунды они достигли подножия утёса и поднялись целыми и невредимыми. Но на этом чудеса не закончились. Ибо вместо того, чтобы остановиться и ощупать себя, убеждаясь, что все конечности целы, трое ирокезов тотчас вскакивают на ноги, огромными шагами бегут по улице Шамплен, проскальзывают между домами, которые в ту пору ещё стояли редко, и вскоре появляются на берегу

Кюль-де-Сак. Там, лёжа на боку, дремали лёгкие берестяные челноки ирокезских посланников. Подхватить один на плечи и, не прекращая бега, донести его до речной воды было для них делом одного мгновения. Трое дикарей, обернувшись к городу, издают три вызывающих крика, которые протяжным воем доносятся до замка. Затем они прыгают в пирогу, хватают вёсла и быстрыми уверенными движениями пускают челнок вперёд; он рассекает воду со скоростью стрелы и в мгновение ока исчезает за крутым выступом мыса Диамант. Столь поспешно бежали именно те трое заложников, которых Медвежий Коготь, по его словам, должен был оставить у господина де Мези. Четверть часа спустя остальные участники происшествия, едва не превратившегося в трагедию, отряхивались в зале замка, смеясь над своей неудачей. Кроме нескольких ушибов, никто серьёзно не пострадал. 14

14 Это происшествие действительно имело место. Вот как оно описано в «Реляции иезуитов» за 1658 год. На одном из собраний, состоявшихся в Квебеке по случаю ирокезского посольства, присутствовали французы и союзные им индейцы, которых созвали для совещания. «Многие из присутствовавших вышли из зала замка на галерею, обращённую к великой реке, но галерея оказалась недостаточно прочной, чтобы выдержать столько людей, так что она обломилась, и все французы и индейцы, свободные и пленники, оказались вперемешку за пределами форта, не пройдя через ворота. Никто, слава Богу, не получил сколько- нибудь серьёзных

повреждений».

ГЛАВА III. ГАСКОНАДЫ И ДИКОСТИ

— За ваше здоровье, вождь! — воскликнул Морнак, одним глотком осушая большой кубок испанского вина.

— Оа! — ответил Медвежий Коготь, последовав его примеру. Было три часа пополудни. Весёлый солнечный луч, падавший в окна гостиницы Жака Буадона, заиграл на блестящих краях оловянных кубков и тяжёлого кувшина, наполненного вином и стоявшего на массивном столе, за которым сидели шевалье Робер де Морнак и вождь агньеров Медвежий Коготь, прозванный Кровавой Рукой. Ярко освещённые снопом света, заставлявшим рассыпанные по столу капли красного вина сверкать словно рубины, лица дворянина и ирокеза представляли разительнейший контраст. Оживлённое приятным винным теплом, лицо Морнака выражало довольное и остроумное веселье. Длинные завитки его волос, скрученных кольцами, словно трепетали от удовольствия у висков и на открытом лбу, а длинные каштановые усы, казалось, изгибались от наслаждения и улыбались при соприкосновении с тонким напитком, окрашивавшим его губы в багряный цвет. Напротив, блестящее татуированное лицо дикаря выражало то свирепое отупение, какое крепкие напитки обыкновенно вызывают у грубых и жестоких натур. Губы

ирокеза судорожно обнажали зубы; выступающие скулы его щёк, раскрашенных синим, приобретали лиловый оттенок от прилива крови под слоем краски, тогда как в чрезмерно широко раскрытых глазах проступали красные прожилки, а пучок волос, торчавший на макушке и увенчанный длинным чёрным орлиным пером, угрожающе колыхался при каждом движении головы. Необдуманный в своих желаниях, всегда следовавший минутному порыву, Морнак, выйдя из замка Сен-Луи, вздумал привести Медвежьего Когтя в трактир и напоить его, чтобы, как он сам себе сказал, выяснить, сколько мер вина способна вместить такая ирокезская скотина. От замысла до осуществления этого прекрасного предприятия Морнак не дал пройти и минуте. Мысль казалась ему очень забавной, а гасконец никогда не отступал перед прихотью своего живого воображения. У него возникала также смутная мысль расспросить дикаря о нравах и обычаях ирокезов, чьи странные одежда и язык в сочетании с ужасной славой, которой они пользовались даже во Франции, возбудили в нём величайшее любопытство. Но не просидел он за столом с вождём агньеров и пяти минут, как понял, что ничего от него не добьётся. Ибо тот (известно, какую ужасную страсть дикари питают к опьяняющим напиткам) жадно поглощал вино, которое ему столь охотно предлагали, осушал его одним глотком и хриплым голосом выкрикивал: «Оа!» Несколько посетителей, сидевших с выпивкой в более тёмном углу трактира, с изумлением смотрели на эту странную

сцену и спрашивали себя, не бросится ли свирепый сын лесов в пьяном угаре на них, чтобы перерезать им горло. Один лишь Морнак, казалось, ничуть не задумывался об угрожавшей ему опасности, и его любопытный взгляд скользил по странному собеседнику, тогда как длинная, но изящная рука играла шелковистыми завитками собственных волос.

— Из длинных волос моего белого брата вышел бы славный скальп, — вдруг проговорил Медвежий Коготь, запинаясь между двумя приступами икоты.

— Ты так думаешь, старина! — ответил гасконец, разразившись смехом. — Если мои волосы тебе настолько нравятся, то уверяю тебя, мордью! — я дорожу ими по меньшей мере не меньше твоего; и вот эта длинная шпага в данном вопросе вполне разделяет моё мнение.

— Оа! — ухмыльнулся Медвежий Коготь.

— Оа! — повторил Морнак, поглаживая искусно чеканное серебряное навершие рукояти своей верной шпаги.

В желтовато-карем зрачке дикаря сверкнула молния; он внезапно протянул руку к шевалье, но всё же ограничился тем, что схватил кувшин с красным вином и вылил его содержимое в свой кубок, который осушил, не сводя глаз с гасконца.

— Эй, отец Буадон! — крикнул Морнак, ударив дном кувшина по столу. — Выпить, почтенный трактирщик! Воздух Новой Франции сушит мне горло.

— Клянусь святым Иаковом, моим почитаемым покрови-

телем, — прошептал робкий Буадон на ухо молодому человеку, — вы непременно станете причиной несчастья, господин шевалье! Разве вы не видите, что он уже навеселе? — Не тревожься; не пройдёт и десяти минут, как я напою его допьяна и уложу под стол. Я валил с ног и более крепких, ха, кап-де-дью!

— Господи! Господи! Что же будет! — вздохнул Буадон, спускаясь в погреб. А в тёмном углу посетители уже перестали пить. Они с удовольствием вышли бы, но ирокез находился возле двери, и они боялись, как бы он внезапно на них не набросился. Буадон робко подошёл к столу и тотчас отошёл, поставив на него затребованный кувшин. Морнак наполнил кубок дикаря, а также свой собственный, который выпил, смакуя каждый глоток с тихим одобрительным причмокиванием. Взгляд дикаря всё пристальнее останавливался на голове дворянина. Трижды он наполнял и осушал свой кубок, не отрывая глаз от вьющихся локонов шевалье.

— За долгую старость моей шевелюры! — произнёс Морнак, выпив полный до краёв кубок красного вина, — и пусть она мирно поседеет на моей голове! В ответ на этот вызов Медвежий Коготь издал рёв и бросился на Морнака, размахивая ножом. Он с трудом держался на ногах. Быстрый как молния, гасконец схватил его за запястье, вывернул руку и потянул его к земле. Дикарь сначала опустился на колено, затем повалился возле стола, под который Морнак затолкал его ногой. Ирокез был мертвецки пьян. Посетители из глу-

бины зала бросились к двери, не заплатив за выпитое, и убежали со всех ног. — Вот! Видите, сударь! — вскричал Буадон. — Вон они удирают, не заплатив мне; и всё по вашей вине! Без сомнения, читатель заметил, как постепенно понижалась степень почтения Буадона к шевалье де Морнаку. Сперва он называл его «господин маркиз», затем «господин граф» и наконец просто «сударь».

— Вот именно! — продолжал Буадон. — Кто теперь заплатит мне за это вино? Разве я не говорил вам, что вы навлечёте на меня несчастье? И как мне отделаться от этого опасного человека, когда он проснётся?

— Сандис! Неужели ты забыл, с кем говоришь, грубиян! — воскликнул Морнак, разгорячённый вином. — На! Вот тебе луидор, получи с него причитающееся, а если эта скотина вздумает доставлять тебе неприятности, когда проснётся, позови меня сверху, и я как следует выставлю её за дверь. Ибо такое животное лучшего не заслуживает. Пока лицо Буадона прояснялось и добряк рассыпался в извинениях и благодарностях, Морнак проворно поднялся по лестнице на второй этаж. Гасконец держался на ногах так же твёрдо, как трезвый солдат на плацу. Умел же пить этот достойный шевалье! Если он любил длинные речи и сильные удары шпагой, то особенно любил также большие бокалы и умел осушать их по-королевски. Морнак, не имея пока лучшего занятия, растянулся на кровати и вскоре заснул. Не то чтобы вино его отяжелило. О, вовсе нет! Но молодой человек, утом-

лённый долгим плаванием и находивший постель в гостинице более удобной, чем узкая подвесная койка, в которой ему пришлось спать почти два месяца, хотел спать; а такое, впрочем, случается и с самыми порядочными людьми, даже когда они ничего не пили. Проснулся он лишь два часа спустя, да и то благодаря тяжёлой руке Буадона, трясшей его за плечо.

— Простите, господин граф (луидор вновь возвысил гостя в глазах трактирщика), простите, что осмеливаюсь прервать ваш сон; но уже шесть часов, и ваш ужин скоро будет готов.

— Отпускаю тебе этот грех, кадедис! Отпускаю, добрый человек, раз ты прерываешь одно моё удовольствие лишь затем, чтобы доставить другое. Знаешь ли ты, что этот короткий сон вновь пробудил во мне аппетит и что под рёбрами я чувствую огромные пустоты?

— Господин граф весьма добр, оказывая таким косвенным образом столь лестную честь моей кухне. Но мне всегда казалось, что аппетит возбуждают скорее движение и свежий воздух.

— Э, э, отец Буадон, ты забыл в своём перечне вино.

— Верно! Верно! А потом, господин граф, не сочтите за обиду, но вы пьёте крепко. Э, э!

— Не правда ли? — сказал Морнак, довольно потягиваясь. — Знаешь ли ты, что это королевское свойство и что я унаследовал его от великого короля Генриха IV через Наваррский род, с которым моя семья состоит в довольно близком родстве? Если бы Морнак не был чуточку хвастуном и

лжецом, он не был бы гасконцем.

— Ах, кстати, скажите-ка, отец Буадон, много ли хлопот доставил вам ваш ирокез или он всё ещё отсыпается после вина? — Нет, господин граф, он проснулся всего четверть часа назад и тотчас ушёл. Вид у него был ещё весьма свирепый, и я видел, как он бродил по большой площади, словно неприкаянная душа. Лишь бы теперь он не натворил каких-нибудь бед. Ведь когда эти дикари пьяны, они ещё страшнее, чем трезвые. Но господин граф желает встать; я ухожу.

— Хорошо, — сказал Морнак, садясь на постели. — Мне хотелось бы немного привести себя в порядок; успею ли я до ужина?

— Гм!.. Да, — ответил трактирщик, вынув из кармана огромные серебряные часы, одним хорошим ударом которых можно было бы оглушить медведя. — У господина графа есть около десяти минут.

— О, тогда я успею закончить и никого не заставлю себя ждать. Буадон вышел, и шевалье спрыгнул с кровати. Поскольку у него были лишь известные нам камзол и короткие штаны, одевание не заняло у Морнака много времени. Однако вместо тяжёлых сапог, в которых мы видели его прежде, он сперва надел пару шёлковых чулок, доходивших выше колен, а затем обулся в башмаки с золотыми пряжками, называвшиеся городскими сапожками, или ботинками. Затем он вынул из чемодана довольно красивую пару манжет из тон-

кого батиста, отделанных кружевом, а также широкий галстук из испанского кружева, который завязал на шее розовой лентой, оставив концы каскадами ниспадать на переднюю часть камзола. После этого он поправил причёску и снова закрутил длинные каштановые усы. После всего этого вид у него стал настолько молодецкий, что, когда он вышел из своей комнаты, мадемуазель Перпетю Буадон15 почувствовала, как учащённо забилось сердце под её тощей грудью; и я полагаю, что если бы Морнак пожелал поцеловать её, повстречав на лестничной площадке, — простите мне эту клевету на столь строгую женщину, — она охотно подставила бы щёку. Около половины восьмого Морнак, надвинув широкополую фетровую шляпу далеко на левое ухо и с длинной рапирой на боку, вышел из гостиницы «Золотая бочка». Он направлялся к господину Рюэтту д'Отёю, который, как мы помним, жил на месте нынешнего здания парламента. Хотя ночь ещё не наступила, дневной свет заметно мерк и тени начинали растекаться по пустынным улицам. Шевалье уже ступил на последнюю ступеньку у порога трактира, когда добродушная толстая физиономия Буадона высунулась из приоткрытой двери, за которой виднелась и правая рука трактирщика, вооружённая огромным дубовым брусом.

— Господин граф, без сомнения, не будет в обиде, — сказал добряк, — если я теперь забаррикадирую дверь. В нынешние времена надо быть осторожным; ирокезы постоянно рыщут в окрестностях, не считая тех, что сегодня находятся

в городе. Знаете ли, мне пришлось бы очень туго, если бы тот, дневной, вздумал вернуться.

15 Известно, что замужних женщин из простонародья, не имевших права на титул «дама», тогда называли «мадемуазель». Лишь дворянки именовались «дамами». Добропорядочным горожанам не всегда выпадает честь принимать под своей крышей столь превосходную шпагу вместе с такой крепкой рукой, как у вас, господин граф; потому они и привыкли запираться пораньше. И как хорошо, что так поступил на днях Нопс, живущий у подножия подъёма Святой Женевьевы. Никола Пинель и его сын Жиль возвращались со своего расчищенного участка, что выше дома Нопса, когда на них напали двое ирокезов, чуть не захвативших их живыми. Раненный выстрелом из аркебузы, от которого он через несколько дней умер, мэтр Никола в страхе бросился вместе с сыном вниз по склону горы, спасаясь бегством. Буавердён, находившийся с ними, выстрелил из ружья в дикарей, но не попал. Ирокезы, соединившись с другими неподалёку от дома Нопса, выстрелили из аркебузы в его дверь, которую непременно выбили бы, не будь она крепко заперта и забаррикадирована изнутри. Собаки лаяли всю ночь на подъёме Святой Женевьевы.16 Видите, добрые люди не напрасно укрываются с наступлением сумерек. Когда господин граф вернётся, ему достаточно будет назвать себя, и я тотчас открою.

— Ладно! Ладно! — сказал Морнак, которому наскучи-

ла болтовня трактирщика, и пошёл по улице Нотр-Дам, которой лишь двадцать лет спустя предстояло получить имя Бюада. Когда он собирался миновать жилище епископа, из улицы Форт выбежала молодая женщина с живой и лёгкой походкой; в пяти шагах позади неё появился

16 Исторический факт. «Журнал иезуитов», 27 апреля 1651 года. преследовавший её мужчина, одетый странно или, вернее, почти вовсе не одетый.

— Щека бледнолицей девы подобна прекрасному цветку, которым вождь желает полюбоваться вблизи! — кричал пьяным голосом мужчина, настигший её двумя прыжками. Он уже обхватил её талию правой рукой и собирался коснуться губами лица молодой женщины, когда она резко отвернулась, вырвалась и ударила его маленьким сжатым кулачком прямо в лицо. Мужчина злобно хохотнул и снова бросился к ней.

— Ко мне! На помощь! — закричала несчастная женщина. Дикарь уже собирался вновь схватить её грубыми руками, когда внезапно Морнак прыгнул ему навстречу с обнажённой шпагой в руке. Презирая мысль поразить остриём безоружного противника, шевалье с силой ударил навершием рукояти шпаги в обнажённую грудь ирокеза, и тот опрокинулся навзничь.

— Медвежий Коготь! — удивлённо воскликнул Морнак.

— Оа! — воскликнул тот, поднимаясь. — Горе молодому безумцу, который пустил огненную воду по жилам Крова-

вой Руки! Медвежий Коготь метнул свой томагавк в голову Морнака. Морнак, угадав намерение противника по движению, отскочил в сторону. Топор со свистом пролетел между Морнаком и молодой женщиной и ударился о стену жилища монсеньора де Лаваля. Ослеплённый яростью, Медвежий Коготь с ножом в руке бросился на шевалье, который тотчас принял оборонительную стойку, заслоняя молодую женщину. Слегка уколотый остриём в грудь, дикарь, которого шпага дворянина удерживала на расстоянии, издавал яростные крики. Эта сцена длилась всего несколько секунд; но происходила она совсем рядом с гуронским фортом и привлекла внимание его жителей, из которых человек десять выбежали из-за частокола. Они окружили ирокеза, который, размахивая ножом, выл от ярости.

— Собаки вы этакие, посмейте только поднять руку на вождя, и я отправлю вас к теням ваших родичей, перебитых моими людьми! Подходите все!.. Вы дрожите; у вас лишь лисьи сердца, а руки ваши слабее женских!.. Кольцо гуронов всё теснее смыкалось благодаря подкреплениям, прибывавшим каждую секунду, и вождя уже готовы были повалить и, несомненно, убить, когда на улице Форт послышался топот ног и одновременно громкий голос властно крикнул:

— Остановитесь все, именем короля! За этим человеком бегом следовали с десяток вооружённых солдат; это был не кто иной, как Луи Перонн, сьер де Мазе, капитан гарнизона квебекского форта.

— Что означает этот шум? — спросил он, подойдя. Морнак выступил вперёд и в двух словах рассказал ему о случившемся. Сьер де Мазе пробрался сквозь толпу, окружавшую ирокеза, и обратился к Медвежьему Когтю: — Следуйте за мной, вождь. Вы проведёте ночь в замке вместе со своими воинами, которые, удивившись, что вы не вернулись к вечеру, пришли пожаловаться губернатору на ваше исчезновение. Я как раз искал вас, чтобы отвести к ним, когда поднятый вами шум привлёк моё внимание и направил сюда мои шаги. Пойдёмте, ничего не бойтесь и положитесь на честное слово французов. Вы проведёте всю ночь в замке, чтобы с вами ничего дурного не случилось, а завтра утром сможете свободно уйти.

Губернатор принял меры, чтобы не позволить ирокезам бродить ночью по городу, оставив их в замке Сен-Луи, где за ними можно было установить непосредственный надзор.

В глубине души вполне довольный тем, что ускользнул от мстительных рук гуронов, своих смертельных врагов, Медвежий Коготь тотчас подчинился распоряжениям капитана.

Он уже сделал два шага, когда остановился.

— Бледнолицый юноша, — сказал он Морнаку, — мы ещё встретимся на военной тропе; а ты, белая дева, скоро поселишься в вигваме вождя!

Он повернулся, окружённый солдатами, и вскоре звук его шагов вместе с шагами солдат затих в конце улицы Форт, где все скрылись во мраке ночи.

— Ступай к дьяволу, я тебя нисколько не боюсь! — проворчал Морнак и, обратившись к молодой женщине, чьи движения были скованы страхом, добавил:

— Позволите ли вы, сударыня, предложить вам руку и проводить туда, куда вы желаете идти? — С благодарностью принимаю, сударь, — ответила дама свежим, благородным голосом. Шевалье галантно подал левую руку, на которую молодая женщина оперлась своей рукой, сказав дворянину:

— Мне идти всего два шага отсюда, к господину Рюэтту д'Отёю, куда меня пригласили провести вечер.

— Какая счастливая встреча! — ответил Морнак. — Я сам приглашён на этот вечер.

— В самом деле! Какая счастливая случайность — встретить там своего спасителя.

— Не спасителя вашего, сударыня, а скорее самого смиренного из ваших слуг. У этого пройдохи гасконца был острый глаз. Он тотчас заметил, несмотря на темноту, что его спутница молода, хороша собой и принадлежит к благородному обществу.

— Вы, должно быть, удивляетесь, — продолжала прекрасная незнакомка, — как молодая женщина могла решиться выйти одна вечером. Всё очень просто. Я живу в начале улицы Сен-Луи. До дома господина Рюэтта д'Отёя отсюда всего несколько шагов, и, поскольку город обыкновенно довольно спокоен даже в этот час, я решила, что смогу дойти одна. Но когда я проходила через площадь Арм, то заметила мужчи-

ну, который поднимался с земли у угла здания сенешальства. 17 Я инстинктивно

17 «Залы и канцелярии сенешальства помещались в доме, располагавшемся отчасти на том месте, которое ныне занимает здание суда в Квебеке. Когда позднее на берегах реки Сен-Шарль был построен дворец интенданта, здания сенешальства были оставлены; а в 1681 году участок вместе с развалинами был пожалован королём реколлектам, которые со временем перенесли туда свой монастырь». Господин аббат Ферлан. ускорила шаг, хотя и не побежала, потому что я не из пугливых.

— Вполне верю, сандис! По тому, как вы ударили ирокеза в лицо, я сразу увидел, сударыня, что у вас весьма решительный нрав. Когда я увидела, что он вот-вот меня настигнет, — продолжала молодая женщина с улыбкой, — то побежала, свернув на улицу Форт, и... остальное вам известно. Если я не ошибаюсь, вы здесь приезжий и притом лишь недавно прибыли; позволите ли мне узнать имя моего храброго защитника?

— Робер дю Портай, шевалье де Морнак, к вашим услугам, сударыня.

— Ах, боже мой!

— Неужели моё имя так удивительно?

— Простите, сударь, но знаете ли вы, что, как мне кажется, мы с вами кузены?

— Кузены, сударыня! Да дарует мне небо нежданно столь

очаровательную кузину, и я буду вечно ему благодарен! Поскольку они уже подошли к дому господина д'Отёя, звуки их голосов замерли за дверью, которую закрыли вслед за двумя посетителями.18

18 Чтобы подкрепить неопровержимым свидетельством эпизод, завершающий предыдущую главу, и показать пагубные последствия, которые опьяняющие напитки вызывали у дикарей, позволю себе процитировать отрывок из письма матери Воплощения к своему сыну. «Эти напитки, — говорила она, — губят всех этих бедных людей: мужчин, женщин, юношей и даже девушек; ибо каждый в хижине сам себе хозяин, когда дело касается еды и питья; у них тотчас кружится голова, и они становятся словно бешеные. Они бегают нагими со шпагами и другим оружием и обращают всех в бегство; днём и ночью они носятся по Квебеку, и никто не может их остановить. Отсюда

ГЛАВА IV. ПОРТРЕТЫ И ХАРАКТЕРЫ

Достаточно прислушаться к именам гостей, которых слуга объявляет по мере их прибытия, чтобы убедиться, что в тот вечер у господина Рюэтта д'Отёя собралось всё избранное общество Квебека. Но прежде я должен назвать хозяйку дома, госпожу д'Отёй, урождённую Клер-Франсуазу де Клеман. Это была женщина от тридцати шести до сорока лет, среднего роста и весьма благородной наружности. Она принимала гостей с той непринуждённостью и учтивостью, какие может дать только происхождение. Первыми среди приглашённых явились Луи-Теандр Шартье де Лотбиньер, генерал-лейтенант превотства Квебека, его жена Мари-Элизабет д'Амур и их старший сын, двадцатидвухлетний Рене-Луи Шартье, которому впоследствии предстояло стать королевским советником и лейтенантом по гражданским и уголовным делам. Затем появился господин Ле Вьё де Отвиль, генерал-лейтенант сенешальства, женившийся в 1654 году на Мари Ренарден де ла Бланшетьер, которой он теперь подавал руку. Следом явились господа Ле Гардёр де Тиль и Ле Гардёр де Репантиньи, главный приказчик Шарль Обер, сеньор де Ла Шене, господин Блез де Траколла, врач, которому суждено было умереть в следующем году, и многие другие, чьи имена

я запамятовал: всего около двадцати человек благородного происхождения и воспитания, составлявших большую часть квебекской аристократии.

происходят убийства, изнасилования, чудовищные и неслыханные жестокости...» Ибо не следует забывать, что наш город насчитывал тогда всего восемьсот жителей, что переселение сюда до той поры шло весьма медленно и что прочим знатным и состоятельным людям, впоследствии занявшим заметное положение в колонии, по большей части предстояло прибыть лишь на следующий год вместе со славным полком Кариньян. Из всех дам, присутствовавших на этом собрании, самой юной, прекрасной и вызывавшей наибольшее восхищение была, несомненно, мадемуазель Жанна де Ришкур, та самая, которую Морнак спас от грубости ирокеза Медвежьего Когтя. Её восхитительный наряд был ей необыкновенно к лицу. Розовое шёлковое платье облегало её стройную, но пышную талию лифом с длинным острым мысом; широкая юбка, приподнятая спереди бантом из атласной ленты, спадала сзади поверх второй, более узкой юбки из зелёного муарового шёлка, отделанной тонкими кружевами. Поскольку рукава платья тогда носили очень короткими, рукава сорочки, оканчивавшиеся манжетами из валансьенских кружев, открывали обнажённое белое, упругое предплечье, вылепленное словно у прекрасной Магдалины в пустыне на картине Корреджо и завершавшееся самой аристократической рукой на свете. Когда ваш уже очарованный взгляд под-

нимался к вырезу корсажа, который новая мода предписывала носить открытым, он останавливался там, ослеплённый мягкостью очертаний и чистотой кожи сияющих плеч и верхней части груди, даже малая видимая доля которой заслуживала бы бессмертия под кистью Тициана. Некоторым моим читателям это описание покажется чересчур светским. Однако бог мне свидетель, что я ничего не могу с этим поделать и что остаюсь в строгих пределах исторической истины. Канадские дамы тех времён, наши достопочтенные праматери, красоту, молодость и героические добродетели которых я желаю воскресить в своих произведениях, весьма любили платья с открытым вырезом, поскольку известно, что монсеньор де Лаваль был вынужден особым предписанием запретить им являться в церковь с обнажёнными плечами и руками. Ах! Незачем поднимать такой крик, сударыни, ибо, несмотря на это, наши целомудренные бабушки стоили по меньшей мере не меньше тех из вас, кто, читая меня, презрительно кривит губы и чей подбородок тщетно пытается спрятаться за высоким воротником. До сих пор моё перо, вероятно, находило слова, слишком бессильные, чтобы дать представление о грациозной красоте мадемуазель Ришкур; но теперь, когда мой взгляд дошёл до её лица, я с ужасом спрашиваю себя, не следует ли отказаться от попытки его изобразить. Эх! Как писать красками, не имея красок? Вот где писатель чувствует себя ниже живописца. Если для обоих образцом служит идеал, которого им никогда не достичь,

художник по крайней мере может придать своему полотну видимость жизни, тёплые тона, отчётливые черты, представляющие взору определённый образ его мысли, его замысла, его мечты. Между тем писатель… Лучше прочтите сто тысяч и один портрет героинь всех когда-либо написанных романов и назовите мне десять, три, хоть один, который даёт читателю ясное представление о женщине, какую автор хотел изобразить. Напротив, разве самый скромный набросок, сделанный самым незначительным рисовальщиком, не запечатлевает надолго в вашей памяти черты и общий облик портрета, на котором вы потрудились задержать взгляд лишь на несколько секунд? Раз прекрасные описательные фразы производят столь слабое впечатление, я воспользуюсь лишь самыми простыми словами, чтобы описать прелестное лицо, которое вот оно, передо мной, улыбается мне в ночной тишине и которое я с восторгом различаю в сияющем ореоле яркого света моей лампы. Тогда никто не соблазнится посмеяться над моими тщетными усилиями, и можно будет даже подумать, что, ревниво оберегая от всеобщих взглядов эту деву, созданную моей мыслью, я бережно сокрыл её божественные черты в своей душе, чтобы однажды вернуть их Богу, вечному дарителю прекрасных вдохновений. Густые чёрные волосы, искусно завитые, образовывали на лбу и висках прихотливые арабески, в которых, однако, угадывалось искусство, а затем низвергались каскадами и струились по её плечам. Обрамлённый этими пышными шелковистыми ло-

конами овал её лица с кожей, достойной самой свежей белокурой красавицы, выступал, словно белая фигурка старинной камеи на тёмном фоне, так выгодно её оттеняющем. Под лбом, чуть более высоким, чем предписывает классическая скульптура, но белым и гладким, точно мрамор, и озарённым светом мысли, сверкали золотисто- карие глаза, искра которых вспыхивала между длинными шелковистыми ресницами, словно яркий солнечный луч, отражённый прозрачной водой родника, затенённого высоким тростником, мягко колеблемым ветром. Изгиб бровей едва намечался; казалось, это лёгкий след кисти феи-художницы. Нос чистого греческого профиля открывал взгляду тонкие ноздри, розовые, словно внутренняя эмаль прекрасных раковин южных морей. Что до рта, свежего, как цветок под утренней росой, и соблазнительного, словно мякоть персика, то, когда он приоткрывался в улыбке и являл блестящие маленькие ровные зубы, белее жемчужного ожерелья, обвивавшего ниже прекрасную шею девушки, можно было подумать, что видишь алые губы одного из тех херувимов, что улыбаются Деве Марии на картине Мурильо и уносят её к Богу в своём сияющем сонме. Если прибавить к подробностям её чарующих черт выражение высочайшего достоинства и величественную осанку королевы, какую придавал ей прекрасный стан, вы получите некоторое представление, словно сон, об изысканных телесных совершенствах мадемуазель Жанны де Ришкур. Что касается её нравственных качеств, даль-

нейшее повествование покажет, что душа её была достойна обитать в столь прекрасном теле. Ибо Создатель никогда не решился бы испортить столь богатую натуру, наделив её посредственным духом как в мыслях, так и в благородных поступках. Мадемуазель де Ришкур была сиротой, и история её была весьма краткой, по крайней мере та её часть, которую знали в здешних местах. Четырьмя годами раньше, когда Жанне было всего шестнадцать, она сошла с прибывшего из Франциикорабля в сопровождении старика мрачного и болезненного вида. Это был её отец. В течение нескольких месяцев после прибытия старик жил с дочерью в большом уединении, почти никого не принимая, за исключением господина Клода Петио де Корбьера, хирурга, который навещал его ежедневно. Из-за болтливости служанки вскоре стало известно, что господин де Ришкур страдает от тяжёлых ран. Были ли они недавними или тяготы долгого морского перехода вновь открыли их? Этого, однако, никто не знал. Как бы то ни было, через шесть месяцев после приезда в страну старик скончался на руках дочери, окружённый заботами господина де Курбьера. Перед смертью он попросил хирурга поместить Жанну в достойную квебекскую семью, избегая, однако, доверять её людям слишком высокого положения, которые своим рангом привлекли бы к ней внимание приезжих, чья знатность или должности немедленно вводили их в круг квебекской аристократии. Какую цель преследовал умирающий, поступая таким образом, мы, вероятно,

узнаем позднее. Господин де Корбьер, будучи холостяком и не имея возможности принять мадемуазель де Ришкур у себя, поручил её заботам госпожи Гийо, урождённой д'Абанкур, вдовы господина Жана Жоллье, вторично вышедшей замуж в 1651 году за господина Годфруа Гийо, который незадолго до того умер и вновь оставил её свободной ко времени, когда начнётся описываемая нами драма (1664 год); ведь мы установили, что неутомимая вдова должна была в третий раз выйти замуж 6 ноября 1665 года за господина Мартена Прево. Господин де Корбьер хорошо знал госпожу Гийо, ибо в одном нотариальном акте отмечено, что хирург присутствовал при заключении брачного договора Франсуа Фортена и мадемуазель Мари Жоллье, дочери госпожи Гийо от первого брака.19 Мадемуазель де Ришкур уже получила превосходное образование в одном из лучших монастырей Франции. Однако она пожелала поступить в пансион при монастыре урсулинок. Смерть отца настолько удручила и обескуражила её, что поначалу она задумала принять там монашеский постриг. Но время, которое стирает всё, даже скорбь, и знакомство со строгостями и однообразием монастырской жизни вскоре открыли ей истинные склонности. Её влекло более блестящее существование. То немногое, что она успела увидеть в свете до отъезда из Франции, теперь напоминало ей, что она рождена наслаждаться его удовольствиями или по крайней мере участвовать в его волнениях. Поскольку она обладала пылкой душой, романтическим воображе-

нием и тем рыцарским духом, который унаследовала от графов де Ришкур, своих предков, чьи подвиги восходили ко временам, предшествовавшим крестовым походам, очевидно, что такой страстный характер требовал более широкого горизонта, чем монастырские стены.

19 Генеалогический словарь господина Танге, статья «Петио (Клод)». Кроме того, как девушка благородного и древнего рода, Жанна страстно любила наряды — склонность, ещё более несовместимую с монашеским обетом бедности. Прошу не упрекать её за это пристрастие: она выросла в роскоши, и отец, который, должно быть, владел во Франции большим состоянием, оставил дочери доходы, достаточные, чтобы она могла жить в Канаде согласно своему происхождению и прихотям. Поэтому каждый год она выписывала наряды из Франции.

Будучи молодой и прекрасной, разве не естественно было ей любить всё красивое?

Понятно, что при подобных склонностях мадемуазель де Ришкур не могла надолго остаться в монастыре урсулинок. Она вышла оттуда через год, когда ей должно было исполниться восемнадцать лет.

Между тем господин де Корбьер возвратился во Францию, а Жанна, не имевшая возможности последовать за ним по причинам, которые мы вскоре узнаем, оказалась почти одна, без советчика.

Ибо к нежности, которую госпожа Гийо, в доме которой

жила Жанна, питала к своей приёмной дочери, примешивалось чувство деликатного почтения к этой девушке, стоявшей выше её по положению, тем более что мадемуазель де Ришкур по-королевски оплачивала доброй женщине и пансион, и её внимательные заботы.

Таким образом, предоставленная почти самой себе, Жанна с готовностью принимала приглашения, которые её красота, молодость и богатство немедленно доставили ей от лучших семей Квебека. За несколько месяцев именно она стала задавать тон маленькому столичному обществу. Все охотно подчинились власти прекрасного дитяти, словно рождённого царить над умами и сердцами. И всё же она не забывала советов, которые её бедный отец дал ей на смертном одре: жить как можно уединённее и избегать встреч со знатными людьми, приезжающими из Франции. Но беззаботность юности и страстное желание Жанны блистать вскоре заставили её если не презреть, то во всяком случае пренебречь мудрыми советами господина де Ришкура. Увы! Очень скоро ей предстояло пожалеть о своей неосторожности. Не прошло и года с тех пор, как она сделалась украшением квебекского общества, когда некий господин де Виларм принялся за ней ухаживать. Этот человек прибыл из Франции и выдавал себя за путешественника, желающего изучить нравы местных племён и природу Канады. Мадемуазель де Ришкур не обращала большого внимания на усердные ухаживания новоприбывшего и относилась к нему тем равнодушнее, что ему бы-

ло сорок лет и он был сверх всякой меры некрасив. Пяти росчерков пера будет достаточно, чтобы его изобразить. Пьер де Виларм был невысок, толст, с красным лицом, рыжей бородой и рыжими волосами; рот у него был с толстыми губами, а нос курносый. Его грязно-серые глаза ужасно косили под низким морщинистым лбом. Ничего искреннего или открытого не было в этом безобразном лице, выдававшем, напротив, только коварство и злобу. Как видите, это был совсем не тот человек, который мог произвести благоприятное впечатление на прекрасную Жанну де Ришкур. Пока он умел держаться сдержанно и не говорил ей прямо о любви, добросердечная Жанна терпела настойчивые посещения господина де Виларма. Но однажды, когда она находилась одна в своей комнате в доме госпожи Гийо, он осмелился попросить руки девушки, и та уже не смогла сдержаться и попросила его обратить свои притязания в другую сторону. Поскольку господин де Виларм продолжал чрезмерно настаивать, она сказала, что он ей надоел и что, обладай он хоть небольшим умом, то давно должен был бы заметить, что она никогда не согласится стать его женой. Жанна полагала, что смутила своего некрасивого поклонника. Напротив, тот, до той поры принимавший улыбчивый и покорный вид, вдруг схватил её за запястье и резко придвинулся к ней. Затем он пять минут говорил ей что-то вполголоса, стискивая хрупкое девичье запястье так, словно хотел его раздробить, и ушёл, не дожидаясь ответа. В это время вошла госпожа Гийо и на-

шла мадемуазель де Ришкур вне себя, с лицом, залитым слезами. Стало быть, слова этого человека были поистине ужасны! С того дня господин де Виларм больше не появлялся в доме госпожи Гийо, но Жанна не могла выйти на улицу, чтобы не встретить этого отвратительного человека. Стоило её куда-нибудь пригласить, как она непременно обнаруживала его там. Хотя он уже почти не приближался к мадемуазель де Ришкур, он следил за ней столь властным взглядом, что она едва осмеливалась принимать даже самые простые знаки внимания от немногих молодых дворян колонии, которые, разумеется, стремились окружить её. Более того, едва господин де Виларм появлялся в обществе, где находилась Жанна, она менялась в лице и держалась так встревоженно, так скованно, что вскоре это заметили. Целый год продолжалась эта странная игра, в течение которого мадемуазель де Ришкур отказала двум весьма выгодным женихам, а повсюду шептались о необычных отношениях, какие могли существовать между господином де Вилармом и мадемуазель де Ришкур, когда она появилась у господина Рюэтта д'Отёя в сопровождении шевалье Рауля де Морнака. Это было вечером 18 сентября 1664 года. Едва шевалье оправился от изумления, в которое повергло его внезапное заявление мадемуазель де Ришкур об их родстве, и собрался войти в зал, где находились гости, как Жанна наклонилась к Морнаку и быстро прошептала ему на ухо:

— Я дочь покойного графа Жана Ришкура. Постарайтесь,

кузен, хоть ненадолго остаться со мной наедине в течение вечера. Мне непременно нужно с вами поговорить. От этого зависит моё счастье, а быть может, и сама жизнь. Мне угрожает большая опасность, и я рассчитываю, что вы, кого ангел-хранитель нашего рода, несомненно, послал мне на помощь, убережёте меня от неё. Когда они подошли к двери зала, мадемуазель де Ришкур отпустила руку Морнака и вошла, а он последовал за ней, думая про себя: — Сандедью! Похоже, в этой стране у меня не будет недостатка в приключениях. Верный своему посту, господин де Виларм уже находился в доме господина д'Отёя. Мадемуазель де Ришкур приблизилась к хозяйке и, весьма приветливо поклонившись, сказала:

— Позвольте, сударыня, представить вам моего кузена, господина дю Портай, шевалье де Морнака, прибывшего из Франции лишь сегодня. Произнося слова «моего кузена», мадемуазель де Ришкур бросила вызывающий взгляд на Пьера де Виларма, который побледнел и закусил губы. Казалось, он знал шевалье и был далеко не в восторге от этой неожиданной встречи.

— Я в восторге от того, что вы у меня в гостях, господин шевалье, — отвечала госпожа д'Отёй с самой любезной улыбкой, поскольку у неё была дочь, мадемуазель Шарлотта-Анна, приближавшаяся к брачному возрасту. — Муж сегодня очень лестно отзывался о вас. Разве вы не встречались в замке?

— Да, сударыня, — отозвался Морнак, — и даже едва не сломали себе шеи вместе.

— Но знаете ли вы, что были на волосок от смерти?

— Решительно сегодня день приключений, — сказала мадемуазель де Ришкур, которую госпожа д'Отёй только что усадила рядом с собой.

— Не хотите ли вы сказать, дорогая, что и у вас было своё приключение? — спросила жена генерального прокурора.

— Ещё бы! Лучше расспросите господина де Морнака. Хотя нет, его скромность не позволит ему рассказать о происшествии с теми подробностями, которые делают ему наибольшую честь. Поэтому я сама вам всё поведаю. Гости окружили блистательную молодую девушку. Пока она очаровательно и весело рассказывала об опасности, которой только что подверглась, Морнак оглядывался направо и налево, стараясь придать себе непринуждённый вид, когда его взгляд упал на господина де Виларма. Тот, уже целую минуту смотревший на него, сдвинув густые рыжие брови, тотчас опустил глаза.

— Мордью! — подумал Морнак. — Виларм здесь! Ах! Негодяй, берегись! Мы ещё встретимся в другом месте, и скоро!

— Если ты вздумаешь вмешиваться в мои дела, — говорил себе в ту же минуту Пьер де Виларм, — я найду способ, несмотря на всю твою гасконскую удаль, заставить тебя уступить мне дорогу. Поскольку рассказ мадемуазель

де Ришкур привлёк к Морнаку всеобщее внимание, шевалье принялись осыпать вопросами о Франции и дворе молодого короля. Морнак говорил с большой лёгкостью. А поскольку он сам прекрасно знал об этом, то охотно воспользовался предоставленной возможностью произнести красивые речи и немного покрасоваться. Мужчинам он рассказывал о суперинтенданте Фуке, который, будучи арестован три года назад, должен был наконец осенью этого 1664 года предстать перед окончательным судом за растрату казённых денег. Он поведал, сколь сильно король был разгневан на этого несчастного управляющего, чьи любезность, большой ум и щедрость пленили столь многих, в том числе философа Сент-Эвремона, Гурвиля, Пелиссона, госпожу де Севинье, мадемуазель де Скюдери и баснописца Лафонтена, — всех тех, чья мужественная дружба должна была спасти ему жизнь. Дамам, больше желавшим услышать о делах и развлечениях двора, Морнак с удовольствием и подробностями рассказывал о празднествах, устроенных королём ради своей молодой возлюбленной, мадемуазель де Лавальер. Упомянув карусель 1662 года, он довольно обстоятельно описал большой праздник в Версале. Он состоялся в самом начале того же лета. Он перечислил присутствовавший там блистательный двор из шестисот человек, содержавшихся вместе со своей свитой за счёт короля, великолепие нарядов монарха и придворных, скачки, турниры, кавалькаду, за которой следовала позолоченная колесница высотой восемнадцать фу-

тов, шириной пятнадцать и длиной двадцать четыре фута, изображавшая колесницу солнца; затем иллюминацию, при которой эти игры продолжались с наступлением ночи, ибо праздник длился семь дней; и пир, на котором прислуживали двести человек, представлявших времена года, фавнов, лесных духов, дриад, пастухов, виноградарей и жнецов; наконец, театральные представления, где Мольер показал комедию «Принцесса Элиды», фарс «Брак поневоле» и особенно три первых акта «Тартюфа», шедевра, который король пожелал услышать прежде, чем он был закончен. Гасконец позаботился упомянуть, что присутствовал при этих королевских увеселениях и принимал в них участие. Он даже нашёл способ скромно признаться, что показал себя там с весьма выгодной стороны. Но он забыл добавить, что почти разорился там на расходы по нарядам для одной баронессы, впрочем весьма прекрасной, которая находилась тогда в Париже и должна была наблюдать издали за этими играми, куда приглашение считалось величайшей милостью; сверх того, означенная баронесса похитила у него три тысячи экю и уехала с ними, даже не попрощавшись. Это и побудило нашего молодого дворянина приехать поправить состояние в американскую страну. Едва он закончил, как его снова стали расспрашивать, настолько эти подробности очаровали общество, ослеплённое миражом далёкого великолепия, когда слуга явился сообщить, что молодой господин Жоллье просит позволения на минуту увидеть мадемуазель де Ришкур.

— Да впустите же господина Жолье, — сказала госпожа д'Отёй. Мадемуазель де Ришкур поблагодарила её взглядом. Мгновение спустя появился высокий восемнадцатилетний юноша с открытым, умным и благородным лицом, но несколько робкими и неловкими манерами, как у всякого школяра: Луи Жолье только что окончил обучение в иезуитском коллеже. Бедный молодой человек, совсем смущённый множеством устремлённых на него взглядов, краснея, подошёл к хозяйке и тем не менее изысканно поклонился ей, ибо всё же в его жилах текла дворянская кровь, и по линии деда с материнской стороны в нём продолжал жить род д'Абанкур. Он повернулся к Жанне де Ришкур, покраснев ещё сильнее. — Моя мать, — сказал он, — очень беспокоилась за вас, мадемуазель, узнав об опасности, которой вы только что подверглись. И я вместе с нею очень сожалел о том, что вы отвергли моё предложение сопровождать вас.

— Я весьма тронута вашей заботой, — отвечала девушка, — но раз этой опасности больше нет, вам следует успокоиться, а мне остаётся лишь радоваться обстоятельству, благодаря которому я раньше смогла узнать одного из членов моей семьи, господина де Морнака; позвольте, кузен, представить вам господина Жолье, старшего сына моей доброй приёмной матери. Этой деликатной любезностью мадемуазель де Ришкур вывела молодого человека из затруднения, и он, перестав так смущаться под всеми этими женскими взглядами, принялся непринуждённо беседовать с Морнаком. Через

несколько минут они уже говорили и смеялись, словно старые друзья, ибо их прямые и отзывчивые натуры сразу поняли друг друга. Госпожа д'Отёй на минуту вышла отдать распоряжения. Морнак, поджидавший удобного случая, сел рядом с мадемуазель де Ришкур. Молодой Жоллье, оставшись один, приблизился к господину де Вилармy, который, прислонившись спиной к стене возле диванчика, где сидела Жанна, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. Пока Жан Жоллье завязывал разговор с господином де Вилармом, мадемуазель де Ришкур быстро и тихо говорила Морнаку:

— Я ведь не ошиблась, не правда ли, господин шевалье, вы и в самом деле тот родственник, о котором мне так часто рассказывал мой бедный отец? — Разумеется, мадемуазель; имею честь приходиться вам кузеном во второй степени родства по линии господина дю Портай, чью фамилию некогда носил ваш отец, прежде чем Его Величество Людовик XIII возвёл его в графское достоинство под именем де Ришкур. Если мы с вами не знакомы по Франции, то потому, что я довольно долго служил в армии, а в те два раза, когда мне довелось видеть покойного господина графа в его замке, в последний раз при весьма печальных обстоятельствах, вы находились в монастыре.

— Именно так! — прошептала сияющая Жанна. — Благодарение Богу, пославшему мне именно того, на кого я могу вполне положиться! Простите, кузен, что я говорю с вами одними намёками: сейчас мне невозможно выразиться яснее.

Во-первых, у нас нет времени, а во- вторых, человек, от которого мне следует всего опасаться, должно быть, наблюдает за мной в эту минуту.

— Кто же это, кузина?

— Господин де Виларм. Остерегайтесь его: этот человек

— чудовище.

— О! Я его знаю, и, быть может, даже лучше вас, кузина! Говорил ли вам когда-нибудь об этом Виларме ваш покойный отец?

— Нет.

— Неважно; не зная, что заставляет вас ненавидеть его, я всё же понимаю, бедное дитя! Естественное отвращение, даже ужас, который вы должны испытывать при его виде.

— Как! Объясните…

— Нет! Не сейчас: рассказывать вам об этом здесь было бы слишком ужасно и слишком долго. — Боже мой, что же вы хотите сказать!.. Я дрожу… Но вы правы, он может нас услышать, он совсем рядом… Завтра… не правда ли? Завтра госпожа Жоллье, моя приёмная мать, отправляется с сыном и слугами присмотреть за жатвой в своём имении Пуэнт-а-Лакай. Я уговорила её, как и в прошлые годы, взять меня с собой. Проводите меня сегодня вечером домой, и я попрошу через молодого Жоллье, чтобы вас пригласили сопровождать нас в этом путешествии. Наше родство позволяет это, а в нынешнее время, когда дикари постоянно подстерегают путников, хороший конвой более чем необходим. В Пуэнт-а-Лакай

мы сможем поговорить с глазу на глаз. Вы расскажете мне всё! И поможете мне избавиться от преследований этого отвратительного человека! Но тише! Вот возвращается госпожа д'Отёй. В эту минуту мадемуазель де Ришкур краем глаза заметила, как кто-то наклонился позади неё, чтобы поднять оброненный носовой платок. Это был Виларм, который, выпрямившись, взял молодого Жолье под руку, отошёл с ним на несколько шагов и сказал: «Мадемуазель де Ришкур только что сообщила мне о путешествии, которое вы завтра совершаете в Пуэнт-а-Лакай». (Виларм, за весь вечер не разговаривавший с мадемуазель де Ришкур, нагло лгал.) Поскольку ирокезы беспрестанно рыщут поблизости, я полагаю, что чем многочисленнее будет ваша охрана, тем безопаснее окажется поездка. Если вы согласитесь принять их, я предлагаю вам свои услуги, как бы скромны они ни были, и буду весьма счастлив сопровождать вас. Помимо того что смогу быть вам полезен, у меня появится возможность продолжить наблюдения над вашей прекрасной страной и поохотиться на островах напротив Пуэнт-а-Лакай. Говорят, там много дичи? Застигнутый врасплох этим неожиданным предложением, молодой Жолье принял услуги господина де Виларма. Но после двух минут размышления пожалел об этом. Хотя мадемуазель де Ришкур никогда не говорила ему ничего против господина де Виларма, он не мог не заметить отвращения, которое она питала к этому приезжему, которого он и сам ненавидел, не очень понимая почему, а возможно, по

причине, которую мы вскоре обнаружим и в которой юноша не хотел признаваться даже себе. Вечер прошёл без других происшествий, заслуживающих упоминания. Когда настало время уходить, господин де Виларм подошёл к мадемуазель де Ришкур, прося оказать ему честь позволением проводить её домой. Но она любезно отказала, сказав, что господа Жоллье и де Морнак предложили свои услуги раньше и она их приняла. Виларм закусил губы и сразу затерялся среди выходивших гостей. Пока Морнак ходил за шляпой, оставленной в прихожей, Жанна быстро прошептала несколько слов на ухо Луи Жоллье, который утвердительно кивнул. Возвращаясь к дому матери, Жоллье попросил Морнака сопровождать его семью в Пуэнт-а-Лакай. Морнак с чувством поблагодарил его, и было условлено, что на следующее утро около девяти часов шевалье встретится со своими новыми друзьями в Нижнем городе, возле Магазина. Дворянин оставил мадемуазель де Ришкур у двери дома госпожи Гийо, поцеловав руку кузины и пожелав Луи Жоллье доброго вечера, после чего отправился обратно в гостиницу «Золотая бочка», идя вдоль ограды замка Сен-Луи. Ночь была чёрной, и лишь редкие звёзды показывались на небе. Улицы маленького города были темны и пустынны, и Морнак слышал только звук собственных шагов да странные, жалобные напевы молодой гуронки, убаюкивавшей новорождённого младенца. Эта нежная, печальная и медленная песня доносилась из гуронского форта, мимо которого шевалье проходил в ту ми-

нуту, и вырывалась из вигвама, едва освещённого угасающими отблесками догоравшего огня. Морнак свернул на старую улицу Нотр-Дам. Когда он подошёл к углу переулка Трезор, на него со шпагой в руке набросился человек в фетровой шляпе, надвинутой на брови, с нижней частью лица, скрытой полой плаща. Шевалье, которому почудился шорох перед нападением, отскочил в сторону и обнажил шпагу. Так что клинок незнакомца встретился с клинком гасконца, который воскликнул между двумя парированиями:

— Эй! Сандью! Что вам от меня нужно, приятель? Мой кошелёк? К несчастью, я оставил его у себя дома; впрочем, даже ради тех нескольких луидоров, что у меня ещё остались, не стоит христианину рисковать тем, что ему прорежут несколько петель на коже. Ах, так! Господин головорез, стало быть, вам нужна моя жизнь! Что ж! Сейчас вы увидите, как крепко я за неё держусь. Погодите! Морнак сделал глубокий выпад с быстротой распрямляющейся пружины. Но острие его оружия пронзило лишь пустоту. Незнакомец, вероятно рассчитывавший убить дворянина прежде, чем тот успеет насторожиться, резко отступил и со всех ног побежал через большую площадь вдоль портала большой церкви. Морнак бросился в погоню, но наёмный убийца почти тотчас исчез возле ограды, окружавшей участок Куйяра и проходившей позади собора в сторону Отель-Дьё. Шевалье, плохо знавший эту местность, не стал продолжать поиски и направился обратно к гостинице «Золотая бочка», ворча себе под

нос:

— Было слишком темно, чтобы как следует его узнать, но пусть с меня сдерут кожу заживо, если это не мерзавец Виларм! Ах! Господин косоглазый, впредь вам понадобится больше ловкости и во взгляде, и в кисти руки, если захотите исключить меня из числа живых. Мы ещё скоро встретимся! И тогда…

— Всё-таки, кап-де-дью! Мой первый день в Квебеке оказался весьма насыщенным: кувырком с вершины террасы до самого низа! Три довольно забавных приключения с принцем Медвежьим Когтем, вдохновенное признание со стороны прекрасной кузины, небольшая вечерняя засада — вот уж от чего хорошему дворянину не придётся скучать! Раз уж Фортуна взялась доставлять мне столь частые развлечения, будем надеяться, что она также соблаговолит направить течение Пактола в мой кошелёк. Ибо да покарает меня Бог, если у меня осталось больше двадцати луидоров на всё про всё! Далеко с этим не уедешь, мордью! Эти последние размышления гасконца смешались с его первым храпом.

ГЛАВА V. ПУТЕШЕСТВИЕ

На следующее утро, около девяти часов, напротив Магазина, в шлюпке, которую волна мягко покачивала в нескольких футах от берега, стоял человек. По тому, как он старался не дать судну сесть на мель, и по нетерпению, с каким то и дело бросал взгляды на улицу Су-ле-Фор, было ясно, что ему предстояло взять кого-то на борт и что он дожидался пассажиров. Этот коренастый человек с энергичными чертами лица, в которых, однако, можно было угадать доброту души, опирался на длинный шест, придерживая его широкими мозолистыми руками. Звали его Батист Жонка, и он арендовал и возделывал землю, которой госпожа Гийо владела в Пуэнт-а-Лакай и которая досталась ей от отца, покойного господина д'Абанкура. Человек этот сменил несколько занятий. Сначала он прибыл в Канаду моряком, затем стал звероловом, лесным торговцем пушниной, переводчиком и, наконец, земледельцем. В нескольких шагах от него, на берегу, другой человек, его товарищ, опирался на нос берестяного челнока, наполовину вытащенного на сушу. Это был высокий индеец с блестящей кожей цвета меди, пронзительным и гордым взглядом. Он был полуобнажён, и утренний ветер раздувал сзади плащ из бобровых шкур, небрежно наброшенный ему на плечи и оставлявший грудь и руки открытыми.

— Брат мой! — крикнул ему Жонка, — не кажется ли тебе, что прилив начинается? — Да, товарищ, — ответил Чёрный Лис, устремив на реку быстрый, словно стрела, взгляд.

— А наши всё не идут! Ведь я им говорил, что нам понадобится весь прилив, чтобы добраться туда и войти в речку Лакай в начале отлива, прежде чем отмели слишком сильно обнажатся. Ветер дует недурно, но стоит ему только стихнуть… А! Кажется, вот они. Жонка смотрел вверх по улице Су-ле-Фор. Он увидел приближавшуюся группу людей, спускавшихся из Верхнего города.

— Да, — продолжал он, — это госпожа со своими спутниками. Мгновение спустя показались госпожа Гийо, державшаяся под руку со своим сыном Луи Жолльe, и мадемуазель де Ришкур, опиравшаяся на галантно согнутую руку шевалье де Морнака. Позади них шёл мрачный Виларм, бросавший свирепые взгляды на Жанну и её кавалера. Наконец, за ними следовал Жан Кутюр, один из работников фермы госпожи Гийо. Он нёс корзины и вещи. Все, кроме двух женщин, были вооружены мушкетами. Кроме того, у Морнака и Виларма за поясами были пистолеты. В те времена путешествие длиной в десяток лье было серьёзным делом. Говорят даже, что добропорядочные жители Квебека никогда не отправлялись в Труа-Ривьер или Монреаль, не исповедавшись перед отъездом и не составив завещания. Слава Богу, времена несколько переменились!

— На борт! На борт! — кричал Жонка, едва только мог

докричаться до них. — Наш добрый Батист, кажется, торопится, — сказала госпожа Жоллье, ускоряя шаг. Когда они добрались до берега, приготовления к посадке вызвали некоторую суету. Мадемуазель де Ришкур воспользовалась этим, чтобы быстро прошептать Морнаку на ухо, ибо тот, казалось, дрожал от нетерпения:

— Прошу вас, кузен, не устраивайте сейчас скандала! Позвольте этому негодяю сопровождать нас. Мы всё равно не смогли бы спокойно поговорить в шлюпке, даже если бы Виларма с нами не было. А там я сама позабочусь, чтобы держать его на расстоянии. Рядом с вами я почувствую себя сильной. Тогда мы и поговорим. Но до тех пор я умоляю вас!.. И главное, никакой дуэли! Если он вас убьёт, я останусь одна и без защиты! Долгий умоляющий взгляд, сопровождавший эти слова, убедил Морнака, пожалуй, ничуть не меньше, чем речь его прекрасной кузины. Виларм не осмеливался слишком резко приблизиться к молодым людям и не мог их слышать. Зато он впивался в них змеиным взглядом. Госпожа Гийо уже перебралась на шлюпку на берестяном челне и заняла место на корме.

— Ну же! Мадемуазель Жанна, теперь ваша очередь! — крикнул ей Жонка. Девушка села в челн, чтобы Чёрный Лис переправил её на шлюпку. Поскольку в берестяном челне ещё оставалось место для одного человека, Виларм двинулся было к нему, чтобы сесть рядом с мадемуазель де Ришкур. Но та быстро сказала Морнаку: — Садитесь сюда, кузен,

передо мной, и как можно ниже, чтобы не опрокинуть челнок. Виларм, рассчитывавший таким манёвром устроиться в шлюпке возле Жанны, закусил губу и остался стоять на берегу, бледный от злости. Если бы приготовления к отплытию не поглотили всего внимания наших героев, они, быть может, заметили бы в тот миг человека, словно подстерегавшего путешественников из-за угла одного из ближайших домов на улице Су-ле-Фор. Тело его скрывалось за стеной, но правое плечо и голова, над которой покачивались орлиные перья, выдавались из-за угла дома. Это был Медвежий Коготь, ирокезский вождь. Четверть часа назад, когда мадемуазель де Ришкур, госпожа Гийо и их гости пересекали оружейную площадь, направляясь в Нижний город, Медвежий Коготь и его воины выходили из замка Сен-Луи. Одного взгляда хватило ирокезу, чтобы узнать прекрасную девушку, ускользнувшую от него накануне вечером.

— Белая дева! — сказал он себе. Затем он быстро шепнул несколько слов своим спутникам и незаметно последовал за Жанной и её друзьями. Ирокезские воины замедлили шаг и спускались по склону, держась на некотором расстоянии от своего вождя, шедшего впереди. О! Если бы Жанна и её спутники заметили тогда, с каким вниманием следит за ними Медвежий Коготь, скольких несчастий они могли бы избежать! Но, целиком поглощённые приготовлениями к отплытию, они ничего не видели. Когда Виларм, Жоллье и работник фермы заняли места в шлюпке, Жонка вставил

мачты в отверстия посередине банок, закрепил балестроны, чтобы натянуть паруса навстречу ветру, и выбрал шкоты, а Луи Жоллье держал румпель руля.

— Так мой брат не садится с нами? — спросил Жонка Чёрного Лиса.

— Вождь предпочитает свой челн, — ответил гурон, который, усевшись на дне своей пироги у кормы, принялся с силой работать веслом, следуя вплотную за другим судном. Юго-западный ветер наполнил белые паруса шлюпки, которая, кокетливо накренившись на правый борт, побежала по волнам в направлении острова Орлеан. По мере того как оба судна удалялись от берега, Медвежий Коготь, покинув наблюдательный пост, приближался к воде. Долго стоял он неподвижно, не сводя глаз с точки, которая с каждой секундой становилась всё меньше. Когда два паруса шлюпки затерялись вдали между островом Орлеан и Пуэнт-Леви и казались уже лишь крылом чайки, скользящим над самой водой, вождь мохоков побежал к своим товарищам, ожидавшим его у Кюль-де-Сак и курившим возле своих челнов. Он несколько мгновений говорил со своими воинами. Те согласились с его предложением и поспешно спустили челны на воду. Затем они опустились на колени в своих пирогах и дружным порывом направили их вверх по реке, то есть в сторону, совершенно противоположную той, куда только что отплыли госпожа Гийо и её гости. Но это была лишь индейская уловка, рассчитанная на то, чтобы горожане, привлечённые к бе-

регу отплытием ирокезов, решили, будто послы возвращаются в страну Пяти кантонов. Когда хитрецы достаточно обогнули мыс Кап-о-Диаман, чтобы исчезнуть из виду жителей города, они резко пересекли реку и тотчас стали спускаться вниз по течению, держась близко к берегу Пуэнт-Леви. Быть может, из города и видели эти три челна, спускавшиеся по реке со стороны Леви, но вряд ли обратили на них особое внимание. Медвежий Коготь, управлявший первым челном, говорил себе между двумя взмахами весла:

— Бледная дева скоро станет женой великого вождя. В шлюпке Жонки, сидя рядом с мадемуазель де Ришкур, Морнак говорил госпоже Гийо, расположившейся напротив них на корме:

— Значит, окрестности города настолько небезопасны, сударыня, что для путешествия на каких-нибудь двенадцать лье от Квебека приходится вооружаться до зубов?

— О, господин де Морнак, сразу видно, что вы лишь вчера прибыли в здешние края, раз задаёте мне такой вопрос. Неужели вам неизвестно, что стоит отойти хоть немного за пределы досягаемости пушек форта Сен-Луи, как рискуешь быть убитым ирокезами?

— В самом деле! Признаюсь, я был немало удивлён, когда сегодня утром один из ваших слуг принёс мне от вашего имени аркебузу с шестью совершенно новыми фитилями и перевязь с таким количеством патронов, сколько она могла вместить. Когда же слуга прибавил, что вы велели напомнить

мне не забыть пистолеты: чёрт возьми! — воскликнул я, — большего и солдату не нужно, чтобы как следует снарядиться и выступить в поход!

— А солдату, идущему на войну, оружие, быть может, куда менее необходимо для спасения жизни, чем нам здесь — для поездки к соседу. Послушайте, я приведу вам пример дерзости этих ирокезов, о которых желаю вам как можно дольше сохранять то счастливое неведение, которым вы пока обладаете. В эту минуту шлюпка поравнялась с Бут-дел'Иль.

— Видите эту небольшую бухту? Мы зовём её Анс-дю-Фор. Восемь лет назад остатки несчастного гуронского народа, изгнанного из великих лесов Верхней страны, начали мирно дышать на берегах этой бухты, где нашли себе убежище. Они находились так близко к Квебеку, что полагали себя защищёнными от вражды победителей. С той беспечной доверчивостью, которая погубила весь их народ, они даже перестали выставлять сторожей. И жестоко за это поплатились. Шло время посевов 1656 года. Гуроны, выслушав мессу, как делали обычно, разошлись по своим полям там, на высотах. Внезапно мохоки, скрывавшиеся ночью в соседнем лесу, обрушились на разрозненных безоружных работников; многих убили на месте и увели более шестидесяти пленников. После этого вероломного и жестокого нападения предатели имели наглость выстроить челны в боевой порядок и так, среди бела дня, проплыть перед Квебеком, издавая победные крики.20

20 Господин Ферлан. — Но как же, — воскликнул Морнак, — неужели за этими бандитами не погнались!

— Жители очень этого хотели. Но господин де Лозон, сенешаль Новой Франции, проявив больше осторожности, чем энергии, воспротивился погоне из опасения подвергнуть опасности судьбу колонии. Так что мы были вынуждены молча проглотить горечь, причинённую нам подобным оскорблением. После этой резни бедные гуроны, уже не считавшие себя в безопасности на острове, и совершенно справедливо, перенесли свои хижины к форту Сен-Луи. Вы видели их там.

— Признаю, это такая дерзость, о какой я и не подозревал; но, в конце концов, с тех пор прошло восемь лет. Теперь вам должно быть спокойнее и опасность, вероятно, стала меньше. Варварство должно было отступить перед растущей цивилизацией.

— Не слишком, кузен, — перебила его мадемуазель де Ришкур. — Послушайте лучше. Не далее как три года назад, в 1661 году, мы узнали в Квебеке, что отряд мохоков, спустившихся к Тадуссаку, где они убили нескольких французов и едва не захватили отцов- иезуитов Доблона и Дрюйлета, возвращаясь вверх по реке, убил восемь человек на берегу Бопре и семерых на острове Орлеан. При известии об этих убийствах господин Жан де Лозон решил оказать помощь жителям острова и предупредить об опасности сьёра Куйяра де Леспине, своего зятя, который отправился охотиться на соседних маленьких островах. В шлюпке с семью людьми

он шёл, как мы сейчас, вдоль южного берега острова, когда, поравнявшись с речкой Маёст, которую мы скоро минуем, пожелал удостовериться, не покинули ли дом Рене Маёста его обитатели. Он пристаёт к берегу и посылает двух человек разведать, в каком состоянии находится дом. Тот, кто открывает дверь, вскрикивает от ужаса, увидев перед собой восемьдесят ирокезов, которые набрасываются на него, убивают его и хватают его товарища. Затем мохоки, словно поток, прорвавший плотину, выскакивают из дома и с воем устремляются к шлюпке. К несчастью, отлив посадил судно господина де Лозона на мель, и тот вместе со своими людьми пытается снова спустить его на воду. Напрасные усилия: шлюпка, увязшая в иле и песке, остаётся неподвижной. С отчаянием в сердцах наши люди видят, что бегство невозможно и им предстоит умереть. Все поручают себя Богу и оборачиваются лицом к врагу. Трижды ирокезы требуют, чтобы они сдались, обещая сохранить им жизнь; но наши люди, хорошо знающие, как мало можно доверять подобным предложениям, отвечают ружейным огнём. Что ещё сказать вам? Все пали под томагавками индейцев, кроме одного, который, получив ранения в руку и плечо, был взят в плен. Сенешаль, которого ирокезы хотели взять живым, защищался так яростно до последнего вздоха, что, говорят, во время боя ему изрубили руки на куски.21

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.